

18+

Илья Гутман

PEOPLE
TECHNOLOGY
A BRIGHTER
TOMORROW

ПРОШЛОЕ НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР

Илья Гутман
Прошлое наносит
ответный удар

<https://litres.ru/74504008>

ISBN 9785007129701

Аннотация

На Араде бывшая империя Вейнара начинает войну, мечтая вернуть утраченное величие. Тан, разработчик из Гибборы и сын технического магната, оказывается втянут в конфликт, где фронт проходит не только по карте, но и через память, тайные технологии и старые решения. Чтобы остановить реванш прошлого, ему придётся понять, кто использует его жизнь как ключ, и решить, где кончается помощь и начинается власть.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

147

Прошлое наносит ответный удар

Илья Гутман

© Илья Гутман, 2026

ISBN 978-5-0071-2970-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Илья Гутман

Прошлое наносит ответный удар

**В соответствии с требованиями здравого смысла
автор сообщает:**

*часть персонажей данной книги является иноагентами.
Не иностранными. Инопланетными.*

Глава 1

Нас называют по-разному.

Хозяева жизни. Золотая молодёжь. Мажоры. Папенькины сынки.

Коммунисты, расплодившиеся в стране после краха Империи, предпочитают последнее. На сайте «Коммунисты

Гибборы» даже вышла статья обо мне. Сводилась она к одному простому вопросу: кто я такой без денег папаши?

Вопрос, конечно, философский. Если коротко — гениальный программист, автор десятков мобильных приложений, ведущий разработчик в государственнообразующей корпорации, плеббой и филантроп.

Если честно — человек, которому повезло родиться в правильной семье. Но есть нюанс. Даже без отцовской корпорации я, скорее всего, сделал бы всё то же самое. Просто чуть позже — лет через десять — и с куда большим количеством бессонных ночей.

Если в вашем смартфоне есть приложение для вызова такси или отслеживания общественного транспорта — с большой вероятностью его написал я.

Мне тридцать четыре года. Самый разгар юности. Выгляжу я, правда, чуть моложе. Когда меня спрашивают, в чём секрет, я обычно отвечаю: регулярный спорт, веганская диета и хорошие гены. Последняя причина — главная.

Я бросил взгляд на фотографию в рамке, стоящую на полке шкафа в моём кабинете. Снимок был сделан в старших классах. Высокий, чуть смуглый, кучерявый и честолюбивый подросток держит носком кроссовки футбольный мяч. Тогда я увлекался футболом, был лучшим нападающим школьной команды. Помню, отец говорил мне тогда:

— Советую держаться подальше от большого спорта, сынок. С твоими данными участие в соревнованиях — нату-

ральное читерство.

Я его не послушал. Но через пару лет убедился, что он был прав, и в университете действительно не приближался к большому спорту.

Весь необходимый код для последнего приложения был написан. Я откинулся в кресле и лениво пролистал новостную ленту.

«5 мая 2023 года.

Средняя продолжительность жизни в Республике Гиббора возросла до девяноста двух лет.

Программа «Отдельное жильё каждой молодой семье» введена в действие.

Экологическая обстановка в стране улучшается благодаря внедрению вторичной переработки.

Рак побеждён благодаря медицинским нанотехнологиям».

А затем — неприятные новости.

Уже неделю в Тарагозе, бывшей западной провинции Империи, продолжалось военное вторжение соседней республики Вейнара — той самой, что некогда была имперской метрополией. Сегодня к этому добавились новые удары: на востоке — по Республике Ургут, на севере — по Королевству Йаарга.

Когда в 1988 году на Гибборе свершилась революция и страна отделилась от Империи, это создало опасный прецедент. В имперских провинциях начались войны за независимость. В итоге они одержали победу. Йааргены даже отыска-

ли наследника последнего монарха и короновали его. Народ Вейнары тоже устал от тирании и низложил последнего императора, провозгласив демократию. Часть жителей бывшей Империи бежала к нам, в Гиббору.

Правда, хаос в Вейнаре быстро породил разгул бандитизма, с которым её президент-алкоголик справиться не смог. Он ушёл в отставку, и вот уже более двадцати лет Вейнарскую республику возглавлял бессменный президент Вэл Питун, правивший железной рукой.

Формально политический строй Вейнары — её внутреннее дело. Но в речах Питуна всё чаще проскальзывали реваншистские нотки. Он говорил о возвращении бывших имперских колоний под свою стальную руку. Начинал он обычно с утверждений, что хунта генерала Нури на Гибборе устроила военный переворот, свергла законную власть и тем самым заложила политическую бомбу, впоследствии взорвавшую Империю. Большинство считало это обычным популизмом. Сам Питун так не считал.

Он создал национальную гвардию — самых отъявленных головорезов страны, сведённых в единый отряд, подчинявшийся только ему. Отряд получил имя «Петухи Питуна», что связано с его семейной историей. Дед Вэла был поваром тогдашнего императора. Ходили слухи, что этот дед был бабстардом князя Пита, и что фамилия Питун пошла от фамилии Пит. Другие говорили, что это выдумал уже сам Вэл. Третьи — что выдумал ещё его дед. Истина давно утону-

ла в семейных легендах. Питы — древний аристократический род. На староимперском «Пит» значит «петух», вот это птица и красовалась на гербе Питов. Президент Вейнары присвоил этот герб себе и назвал «Петухами Питуна» своих гвардейцев.

Именно этих «Петухов» он направил в приграничные регионы соседних государств, где они начали формировать «ополчение», якобы сопротивляющееся местным властям.

А неделю назад армия Питуна вторглась в Тарагозу. Официально Вейнара ни с кем не воевала. Воины Питуна участвовали в «военной спецоперации по наведению законного порядка в мятежных провинциях».

Я поначалу испугался, что они доберутся и до Гибборы. Но почти сразу же успокоил себя. Мы — технократическая страна с президентом-учёным. Наша армия — самая технологически оснащённая в мире. Наши морские границы охраняют, помимо прочего, боевые роботы.

Тем не менее, господин Питун умел удивлять.

Вчера, после захвата части соседних земель, он объявил о намерении восстановить Империю и собрать её земли. А в этот список входит и наша островная страна...

Ничего, если Питун всё-таки войдёт в Гиббору — наша армия с ним быстро разберётся.

Вот ещё новости... Вейнара также вторглась в королевство Йаарга. И ещё! Харрада! Вейнарские ракетные крейсеры уже подходили к берегам Гибборы. Ещё сутки — и они

окажутся на дистанции залпа.

Я поймал себя на странной мысли: пару лет назад жить было проще. Тогда у нас была всего лишь Синяя Смерть. Новая зараза начиналась как обычное ОРВИ — насморк, кашель, слабость. Люди поначалу даже не воспринимали её всерьёз. Потом температура под сорок. Пневмония. А затем кожа становилась синей. После этого оставалось два-три дня. Либо человек выздоравливал... либо умирал. Семьдесят пять — восемьдесят процентов смертности.

Сначала казалось, что это проблема Тарагозы. Пока болезнь не добралась до аэропортов.

В наши дни прогресс одной рукой лечит эпидемии, а другой помогает им распространяться. Сел носитель вируса в самолёт — и через несколько часов привёз его на другой край мира.

Потом начались карантинные. Полупустые города. Закрытые рестораны. Маски. Люди, которые смотрят друг на друга как на биологическую угрозу.

Но была одна простая вещь. Если сидишь дома — ты в безопасности. Теперь всё иначе. Когда в море стоят ракетные крейсера, дом перестаёт быть убежищем.

Вейнарские ракетные корабли опасны. В сети разошлась запись радиопереговоров капитана одного такого крейсера с гарнизоном Тарагозы.

— Говорит капитан Вейнарского ракетного крейсера. Гарнизон Тарагозы, сдавайтесь. В противном случае мы будем

вынуждены нанести удар.

Несколько секунд в эфире стояла тишина. Потом ответил голос дежурного офицера. Спокойный и даже немного ленивый.

— Вейнарский ракетный крейсер..., — Он сделал паузу.,
— Идите на хрен.

И ракеты запустили. Гарнизон пал. Но через неделю крейсер, названный, как и столица страны-агрессора, Вейна, пошёл ко дну.

История иногда отвечает не сразу. Но отвечает.

А мне тем временем можно было заняться куда более насущными проблемами.

Например — познакомиться с новенькой, штатным психологом.

Родители всегда советовали не заводить романов на работе.

С учётом моего положения это легко могло выглядеть двусмысленно. Люди любят искать скрытые мотивы там, где их нет.

Я открыл личное дело новенькой.

Мара Ханель, тридцать лет. Образование — психологический факультет ГГУ, Гибборского государственного университета. Значит, людей читает быстро и без иллюзий.

Не замужем.

Теоретически можно было натячь связи в ГСБ — Гибборской службе безопасности — и пробить её по всем кана-

лам. Но делать этого не хотелось.

Во-первых, неэтично. Во-вторых, если уж знакомиться — то нормально, как обычные люди.

В досье имелся и её служебный e-mail: непокорённая@пост. гиб

Хм. «Непокорённая». Интересно.

Я открыл почту и написал:

«Привет, Мара.

Как насчёт того, чтобы поужинать сегодня в ресторане «Солнечный берег»?

Тан, ведущий разработчик».

После этого машинально потянулся к смартфону.

Несколько спам-сообщений — тут же в блок. Голосовые от мамы и от деда.

Сначала мамино:

— Привет, милый. Папа уже должен был вернуться со своей родины, но он не отвечает на звонки, и сообщения до него не доходят. Он сегодня с тобой не связывался?

Я набрал ответ:

«Нет, ма, не связывался».

Затем сообщение от деда:

— Здравствуй, Тан. Сегодня на заседании правительства твой отец должен был выступать с докладом. Однако он не явился. Ты не знаешь, вернулся ли он в Гиббору? Я начинаю беспокоиться.

Я тоже начал беспокоиться.

Ответил, что ничего не знаю, после чего открыл часы-коммуникатор и наговорил голосовое сообщение второму деду и бабушке, живущим в очень далёких краях:

— Здравствуйте, бабушка и дедушка. Мой папа уже покинул ваш дом? Он должен был прибыть в Гиббору, но мама и дедушка Бен говорят, что его ещё нет. Пожалуйста, сообщите, если вам что-нибудь известно.

Почти сразу прозвенело уведомление браузера.

Ответ от Мары:

«Я не против. Жду вас в пять вечера в лобби внизу. Мара».

И тут же — сообщение от бабушки и деда из далёких краёв:

«Да, он выехал к вам. Странно, что до сих пор не появился дома».

Дело принимало скверный оборот.

Вспомнился случай из детства. Тогда папа уехал в командировку в другой город и должен был вернуться поездом в семь вечера. Я поехал на вокзал его встречать. Поезд пришёл — отец не вышел. Потом пришёл следующий. Потом ещё один. А его всё не было.

В то время у меня ещё не было мобильного, и я по-настоящему запаниковал.

Только около четверти десятого папа наконец появился, объяснив, что по служебным делам пришлось немного задержаться. Мама, оставшаяся дома, была в курсе. Я — нет.

Именно после этого случая родители подарили мне пер-

вый телефон — чтобы я не волновался. И, как они тогда честно сказали, чтобы лучше контролировать меня.

Я вернулся в настоящее и открыл список контактов.

Лар Беер.

На портрете — седой голубоглазый мужчина с коротко стриженными волосами и бородой, в очках. На вид — лет пятидесяти с небольшим. Директор Гибборской службы безопасности, которая после внезапной кончины главы Департамента федеральной безопасности Конфедерации Зара Дэккара стала самой крутой спецслужбой в мире.

Как-нибудь я расскажу, как связаны ДФБ и ГСБ, а также смерть Дэккара с появлением Лара Беера в Гибборе.

Я написал:

«Господин Беер, пообщавшись с семьёй, я убедился, что мой отец пропал без вести. Прошу задействовать ваших агентов и технические средства, чтобы его найти».

Я не сомневался, что, как только он прочитает сообщение, меры будут приняты. Беер — старый друг моего отца и в каком-то смысле его коллега.

Если папу признают мёртвым...

Нет, лучше об этом сейчас не думать.

Помимо морального удара это означало бы и лишнюю ответственность. По праву наследования мне пришлось бы возглавить корпорацию — двенадцать тысяч человек, — а к этому я, признаюсь честно, пока не готов. Я был уверен, что отец жив. Скорее всего, какие-то неполадки с транспортом,

зона без связи — ничего более.

Чтобы отвлечься, я открыл ресторанное приложение, которое сам же и разработал, и заказал столик на двоих в «Солнечном берегу».

Ровно в пять вечера в лобби на первом этаже нашего небоскрёба меня ждала Мара. Я успел изучить её личное дело и не сомневался, что она — моё.

Кучерявая, стройная брюнетка, чуть смуглая, как и я, с зелёными глазами.

— Здравствуйте, господин... — начала она.

— О, Мара, — улыбнулся я. — Пусть я и в верхах компании, но пока не твой босс. Обращайся ко мне на «ты» и по имени.

— Пока не босс? — она чуть нахмурилась. — Твой отец задумался об отставке?

— Не сейчас, — честно ответил я.

На этом свидании мне хотелось отвлечься от тревожных мыслей об отце. Но они, как назло, лезли в голову одна за другой.

— Пойдём, — сказал я и попытался взять Мару за руку.

Она мягко, но решительно убрала ладонь.

Ничего. Пара свиданий — и она станет куда сговорчивее.

За семь минут мы дошли до ресторана. Я занял заказанный столик и жестом пригласил спутницу присесть, после чего открыл меню.

— Учти, — сказал я, — я веган, так что животных про-

дуктов заказывать не буду.

— Да, модная тенденция среди богачей, — усмехнулась Мара. — И давно ты стал веганом?

— С рождения, — улыбнулся я. — Лет двадцать назад мы были в диковинку, а сейчас в республике каждый третий — вегетарианец, каждый десятый — веган.

— Значит, и твои родители ещё в конце восьмидесятых веганили?

— Верно.

— Они ведь беженцы из Конфедерации, не так ли?

— Да. Как и мой дед. Моя семья была диссидентами, вот и пришлось бежать в имперскую Гиббору. А потом случилась революция, передел собственности, и отец основал нашу фирму...

В этот момент к столику подошёл официант.

— Сударь, сударыня, что будете заказывать?

— Пожалуйста, салат «Весенний» и плов с сейтаном. Каждому. И бутыль вина «Жемчужина Запада».

— Будет исполнено, — официант почтительно поклонился и удалился.

— А что такое сейтан? — поинтересовалась Мара.

— Продукт из пшеничного белка, — ответил я. — По вкусу напоминает мясо, а по питательности ему не уступает.

— «Жемчужина Запада»... — Мара взглянула на карту вин. — Эта бутылка стоит половину моей зарплаты.

— Тогда тем более стоит попробовать, — улыбнулся я. —

Чтобы потом рассказывать коллегам, как штатный психолог развёл ведущего разработчика на дорогой ужин.

— Ах вот как? — она прищурилась. — То есть это я тебя развожу?

— Конечно. Я же наивный программист.

Она рассмеялась.

— Ладно. Тогда берём. Но если я завтра просплю работу, скажу, что это корпоративная необходимость.

— Договорились.

Мы подняли бокалы.

— За знакомство? — предложил я.

— За знакомство.

Вино оказалось действительно хорошим — густым, тёплым, с пряным ароматом. Разговор постепенно становился легче. Мара рассказывала о своей прошлой работе в частной клинике, я — о первых приложениях, которые писал ещё в младшей школе.

— Серьёзно? В шесть лет? — она покачала головой. — Я в шесть лет только научилась не путать правый ботинок с левым.

— У меня тоже были свои сложности, — сказал я. — Например, я долго не понимал, зачем людям нужны будильники.

— Потому что нормальные люди не живут по расписанию серверов, — парировала она.

Мы оба рассмеялись.

Когда первая бутылка закончилась, она сама подняла карту вин.

— Слушай, — сказала она. — Раз уж я сегодня дегустатор за твой счёт... может, ещё бокал?

— Я начинаю подозревать, что менеджеры по персоналу специально нанимают людей с такими навыками, — сказал я.

— Конечно. Это часть отбора.

Я заказал вторую бутылку.

Через некоторое время Мара заметно расслабилась. Она не была сильно пьяна, но говорила свободнее, смеялась чаще и иногда невольно касалась моей руки, когда что-то её особенно веселило.

— Знаешь, — сказала она, — я ожидала, что ты окажешься... другим.

— Каким?

— Самодовольным мажором, который говорит только о себе.

— А я разочаровал?

— Пока нет, — сказала она и улыбнулась.

Когда мы вышли из ресторана, вечерний воздух оказался прохладным и свежим.

Мара на секунду остановилась.

— Кажется, я всё-таки немного перебрала.

— Немного есть, — признал я. — Ты далеко живёшь?

— Нет. Снимаю квартиру в пяти минутах отсюда.

— Тогда давай я тебя провожу.

Она посмотрела на меня внимательно — будто оценивая, стоит ли доверять.

Потом кивнула.

— Хорошо.

Мы свернули в тёмный переулок...

...где нас уже поджидали трое в балаклавах, с массивными топорами в руках.

— Это он, — мрачно пробасил один из них. — GPS показывал, что он приближается.

— А ты неплохо справился, — хмыкнул другой, — нашёл по базе информацию на бабу, которая, согласно мобильным данным, была с ним рядом. Предсказуемо, что он поведёт её домой.

— Что вам надо? — спокойно спросил я. — Наличных у меня почти нет, а если вы отнимете кредитку, по первому же звонку её тут же заблокируют.

— Нет, парень, — загоготал один из бандитов. — Деньги нам не нужны. Нам нехило заплатит наниматель.

Он сделал шаг вперёд и сжал топор крепче.

— Нам нужен ты. Живой или мёртвый.

— погоди, Котяра, — ухмыльнулся его спутник. — У нас ведь есть свидетельница...

Он повернулся к Маре.

— Девушка, вас опасно тут оставлять. Так что либо вы пойдёте с нами, либо останетесь лежать на дороге в луже собственной крови.

— Попробуйте, — прорычал я.

Благодаря ускоренному метаболизму алкоголь уже выветрился из моего тела. Мара в ужасе пригнулась. В мою сторону полетела рука с топором — я перехватил её, вырвал оружие и ударом ноги отбросил первого нападавшего к мусорному баку. Второй бросился на меня — я врезал обухом по ноге, раздробив коленную чашечку. Он рухнул, выведенный из строя. Третьего я огрел левой рукой в подбородок: его подбросило вверх на пару метров, после чего он с глухим стуком рухнул лицом в асфальт.

Мара, несмотря на сильное опьянение, смотрела на меня, вытаращив глаза. Не ожидала она, что мажор — пусть даже спортсмен — так легко расправится с тремя вооружёнными головорезами.

Но из-за помойки вышел ещё один. В руках у него был автомат Дери — напичканный электроникой, с самонаводящимся прицелом. Со стороны улицы неспешной походкой появился второй, с таким же стволом. Оба направили оружие на нас.

Мой взгляд зацепился за воротник одного из них. Значок с бойцовой птицей.

Началось.

«Петухи Питуна» добрались до Гибборы.

— Мои коллеги хотели бы, чтобы вы пошли с нами, — с лёгкой ехидцей произнёс тот, что вышел с улицы.

Двое с огнестрелом. С ними я бы справился без особого

труда, будь я один: выжечь псионикой электронику в первом автомате, рвануть под ноги второму, сбить его, пока пули не успели в меня попасть, затем добить обоих врукопашную.

Проблема была в Маре.

Моё тело восстановилось бы даже после огнестрельных ранений. Для неё же одна-единственная пуля могла оказаться последней.

— Без резких движений, — продолжал первый автоматчик. — Если кто-нибудь дёрнется — стреляем на поражение. Пойдёмте с нами. А для начала — руки вверх.

Мара подчинилась. Я тоже поднял левую руку, правой обхватил её за талию и тихо произнёс в часы на языке, зародившемся в очень далёких краях:

— Код восемьдесят четыре. Телепортация. Локация — дом.

Пространство вокруг нас исказилось, словно свернувшись в трубку. Вспыхнул яркий свет — и тут же погас.

Мы оказались на моей огромной двуспальной кровати.

Мара испуганно закричала:

— Что происходит?! Где мы?!

Харрада... дважды харрада.

Она уже знала слишком много.

Мои боевые навыки ещё можно было объяснить годами жёстких тренировок. Но телепортация не укладывалась ни в современные технологии, ни в её картину мира.

Я поднёс руку к её шее, ощущая, как наши нервные си-

стемы соприкасаются и сливаются. В её мозг ушёл усыпляющий импульс.

Готово.

На полчаса она вышла из строя — по крайней мере, вопросов больше не будет. Я достал из кармана связку ключей, открыл верхний ящик стола и извлёк ампулу-шприц. Укол — точно в плечо.

Эликсир забвения. Он начисто стирал воспоминания о событиях последних пятнадцати—двадцати минут. Когда Мара очнётся, провал в памяти легко будет списать на алкоголь.

Я ходил по комнате, по своей вилле, наматывая круги и обдумывая, что скажу, когда она придёт в себя. Спустя примерно двадцать пять минут Мара открыла глаза.

— Тан?.. Где я?.. Как я сюда попала?..

— Ты у меня дома, — развёл руками я. — Добро пожаловать на мою виллу. Ты перебрала. Я не мог сесть за руль, вызвал такси, но как только мы приехали, ты отключилась.

— Надеюсь, ты не изнасиловал меня, пока я была без сознания? — недоверчиво спросила она.

— Нет, — ответил я. — Ты как легла в одежде, так в ней и осталась.

Мара нахмурилась, но промолчала.

— Выпей вот это, — сказал я, доставая из второго ящика стола таблетку и направляясь на кухню за стаканом воды.

— Что это?

— Разработка спецслужб. Снимает симптомы опьянения

и похмелья.

Она проглотила таблетку и запила водой. Лекарство подействовало почти мгновенно: Мара выглядела уставшей после тяжёлой смены, но уже не пьяной.

— Я вызову тебе такси, — сказал я, доставая смартфон.

Я был уверен, что после нашего внезапного исчезновения боевики либо скрылись, либо их уже забрала жандармерия.

Когда машина подъехала, я помог Маре сесть внутрь, после чего отправил сообщение главе ГСБ:

«Господин Беер, прошу отследить GPS-сигналы устройств, находившихся вблизи моего положения около полудня назад. Группа неизвестных пыталась похитить меня и девушку, которую я провожал. Предполагаю их причастность к исчезновению моего отца».

Закончив, я почувствовал, как наваливается усталость.

И почти сразу уснул.

Глава 2

С утра я получил сообщение от Лара Беера:

«Тан, смартфоны напавших на вас были обнаружены на помойке. Они числились в базе краденых и, очевидно, использовались лишь в этой акции. Мои люди разыскивают их покупателя — скорее всего, посредника, который может вывести нас на заказчика».

Домой меня перенесла телепортация, а вот машина так и осталась у офиса. Появляться там тем же способом не хоте-

лось — слишком много лишних глаз, слишком много случайных свидетелей. Пришлось вызывать такси.

Пока машина ползла по утренним улицам, смартфон коротко звякнул. Новое письмо. Я открыл почту — и мысленно выругался.

Мара.

«Тан, я, конечно, слышала, что ты — загадочный персонаж, но, может, объяснишь, что на самом деле произошло вчера? Кто были те люди, что напали на нас, и как я оказалась в твоей постели?»

Она не должна была помнить про бандитов.

Я быстро набрал ответ:

«Люди? Какие люди? Какое нападение? Ты перебрала вчера, но я не думал, что у тебя уже белая горячка. Напоминаю: я вызвал такси ко мне домой, а потом ты вырубилась. Может, приснилось чего?»

Ответ пришёл почти сразу:

«Не держи меня за дуру. Я помню больше, чем ты думаешь. И всё ещё жду ответов. Мы как-то перенеслись от моего дома к твоему. И вот доказательство — скриншоты из моей GPS-программы со смартфона, с отчётом по времени и месту».

Я открыл вложения. Чёткая линия маршрута — и резкий обрыв. Несколько секунд пустоты. А затем новая линия, уже от моего дома.

Чёрт.

Я написал:

«Это не тема для переписки. Поговорим лично. Заходи в мой кабинет».

Когда я вернулся в офис, прошло всего несколько минут, прежде чем в дверь постучали.

— Войдите, — сказал я.

Мара вошла и сразу закрыла дверь. Садиться не стала.

— Я всё помню, — сказала она без предисловий.

— Что именно? — спросил я, искренне недоумевая, как мозг человека без генных модификаций смог обойти действие эликсира забвения.

— На нас напали пятеро. Трех ты уложил. Потом появились ещё двое с автоматами. Ты схватил меня, сказал что-то на странном языке — и мир свернулся. Мы оказались в твоей спальне. Потом ты меня усыпил. А после... стёр мне память.

Она смотрела прямо, не моргая.

— Я жду объяснений.

— Если ты уверена, что я стёр тебе память, — медленно сказал я, — то как ты смогла её восстановить?

— Я практикую медитации, — ответила она. — Сегодня утром я ощутила, что мой мозг отравлен. По ауре чувствовались алкоголь и ещё какое-то вещество. Я поняла, что оно воздействует на память. Но есть техники, позволяющие вернуть утраченные фрагменты. Дух сильнее плоти, Тан.

Я невольно усмехнулся.

— Эти слова я слышал ещё в детстве. От отца.

— Тогда у меня к тебе вопросы. Много.

— Задавай, — сказал я, уже понимая, что отвертеться не выйдет.

— Откуда у тебя такие возможности? Как ты перенёс нас? Это магия?

— Любая достаточно развитая технология не отличается от магии, — ответил я. — Я не колдун. Я пользователь технологий, которые ещё не существуют в этом мире.

— В *этом* мире? — прищурилась она. — Значит, есть другой?

Я помолчал.

— Есть цивилизации, — сказал я наконец, — которые ушли дальше нас. Намного дальше. И иногда их представители работают здесь. Тихо. Не афишируя себя.

— Чужие среди нас? — недоверчиво спросила она.

— Люди, — поправил я. — Просто не отсюда.

Она выдохнула.

— И ты — один из них?

— Наполовину. Моя мать родилась здесь. Отец — нет.

Мара несколько секунд молчала, словно проверяя услышанное на вкус.

— Ты всё это рассказал, — сказала она, — а потом стёр мне память. Почему?

Я посмотрел ей в глаза.

— Я не считал себя вправе судить тебя. Я считал себя обя-

занным закрыть утечку. Даже если для этого пришлось вмешаться в твою психику.

Она сжала губы.

— Удобная формулировка. Ты лишаешь человека части памяти и называешь это обязанностью.

— Я называю это минимальным злом, — ответил я. — Ты узнала то, знание о чём убивает людей. Иногда — буквально.

— А если бы я не захотела, чтобы ты меня «спасал»?

— Тогда ты могла бы сейчас не сидеть здесь и задавать мне вопросы, — сказал я честно. — Я не горжусь этим решением. Но я бы принял его снова.

Мара отвернулась к окну. Несколько секунд мы молчали.

— Значит, вот так ты живёшь, — сказала она наконец. — Решая, что людям можно знать, а что — нет.

— Нет, — покачал я головой. — Так я живу *сейчас*. И мне это не нравится.

Она медленно взяла сумку.

— Мне нужно время, — сказала она. — И ответы. Не сегодня.

— Я никуда не денусь.

Когда за ней закрылась дверь, я ещё некоторое время сидел неподвижно, глядя в пустоту. Разговор не дал ни облегчения, ни ясности. Он лишь обозначил границу — ту самую, которую я уже перешёл.

Утечка опасна самому существованию таких как мы. Если возникает случайный свидетель, то единственные возмож-

ные варианты — ликвидировать свидетеля, изолировать его, запугать, ничего не делать, подкупить или частично стереть память. Правила мира, из которого прибыл мой отец, выше всего ценят человеческую жизнь, поэтому первый вариант исключён. Второй вариант ненамного лучше первого, мы не можем пожизненно держать человека в персональной тюрьме и вычеркнуть его из остальной жизни. Запугать — не этично, тоже не наш метод. Если ничего не делать, утечка может пойти дальше. И наверняка пойдёт дальше. Если подкупить — это ничего не гарантирует. Утечка может пойти дальше. Единственный рабочий вариант — стереть память о последних событиях. Личность в целом не пострадает. Рабочий вариант. Был. До последнего времени.

Смартфон снова завибрировал. Сообщение от Беера.

«Тан, есть первые результаты. Нападение не похоже на типичную операцию Питуна или его людей. Слишком аккуратно. Без демонстративной жестокости, без идеологии.

Исполнители — наёмники через гражданские каналы. Логистика чисто коммерческая. Такое ощущение, что цель была не напугать и не убить вас, а именно изъять.

Мы продолжаем копать».

Я перечитал сообщение дважды.

Значит, не показательная акция. Не запугивание.

Меня не пытались устранить — меня пытались забрать. А значки «Петухов Питуна» — это что, подстава?

Я отложил смартфон и откинулся в кресле. Мысль была

неприятной, но предельно ясной: кто бы ни стоял за этим, он действовал осторожно. По-человечески. Без лишнего шума и без лишних знаний в обороте.

В своё время во мне окончательно сложилось правило — простое и холодное, как инструкция:

Никто не должен знать лишнего.

Не потому, что люди глупы.

Не потому, что им нельзя доверять.

А потому, что любое лишнее знание в такие времена становится оружием — и слишком часто направляется не туда.

Я уже видел, к чему приводит утечка. И если выбор стоял между тишиной и хаосом, я знал, что выберу.

Даже если однажды за эту тишину придётся отвечать.

Глава 3

Утро началось с тишины. Не той приятной, в которой хорошо работать, а другой — настороженной, будто город затаил дыхание и ждал, кто сделает первый ход. Я проснулся раньше обычного, не потому что выспался, а потому что мозг больше не позволял себе роскошь отключаться полностью.

Первым делом я отключил автоматическую синхронизацию личных устройств. Затем — резервные логи, которые раньше считал безобидной привычкой. Мир менялся слишком быстро, и привычки, ещё вчера казавшиеся удобными, сегодня превращались в уязвимости. Я не испытывал паники — только необходимость навести порядок. В информации.

В доступах. В себе.

Новости я пролистывал быстро, почти машинально. Карта боевых действий обновлялась каждые несколько минут. Наступление Вейнары больше не выглядело точечным. Удары шли сразу по нескольким направлениям — восток, север, юго-запад Тарагозы. Где-то это называли «поддержкой ополчения», где-то — «восстановлением исторической справедливости». Формулировки менялись, суть — нет.

Армия Питуна входила в фазу, где ей уже не нужно было оправдываться.

Я открыл блог. Раньше это было почти хобби — размышления о технологиях, будущем, социальных моделях. Сейчас аудитория выросла так, что каждое слово начинало жить собственной жизнью. Я это понимал. И всё равно писал сам, без помощников и редакторов. Пока ещё мог себе это позволить.

Пальцы зависли над клавиатурой на пару секунд. Не из-за сомнений — из-за ответственности. Потом я начал.

Это больше не локальный конфликт и не спор о границах. То, что мы видим сейчас, — война прошлого с будущим. Прошлого — которое живёт мифами, ревaniem и страхом потерять контроль.

Будущего — которое опирается на разум, технологии и ценность человеческой жизни.

Есть и хорошая новость: прошлое всегда проигрывало такие войны. История это доказывает.

Есть и плохая: перед поражением оно почти всегда успевало пролить много крови.

Разум должен победить. Вопрос лишь в том, какой ценой.

Я перечитал текст один раз и нажал «опубликовать».

Почти сразу пошли реакции. Поддержка, ярость, обвинения в наивности и — что было ожидаемо — обвинения в предательстве от расплодившихся в сети сторонников Питунa. Интересно, какой процент их реален, а какой — боты с фабрики троллей? Я закрыл ленту комментариев, не дочитывая. Сейчас это было неважно. Я сказал ровно столько, сколько считал допустимым. Ни больше, ни меньше.

Смартфон лежал рядом, экран погас. Сообщений от Мары не было. И я поймал себя на мысли, что даже если бы они появились — я бы не знал, что ей ответить. Не потому что нечего сказать. А потому что слишком многое уже стало лишним.

Я отодвинул клавиатуру, встал и подошёл к окну. Город жил своей обычной жизнью — транспорт, люди, реклама, утренний шум. Снаружи всё выглядело так, будто будущее уже победило. Но я слишком хорошо знал, насколько обманчиво это ощущение.

Никто не должен знать лишнего.

Мысль больше не пугала. Она просто стала рабочей.

Связь с ГСБ я инициировал сам — через защищённый канал, доступ к которому имели единицы. Экран мигнул, и появилось лицо Лара Беера.

— Доброе утро, Тан, — сказал он без формальностей. — Я видел запись с городских камер. Момент исчезновения.

— Значит, вы поняли, как я ушёл, — кивнул я.

— Поняли, — подтвердил он. — Не все, но достаточно. Ты действовал быстро и чисто. Это, вероятно, спасло вам обоим жизнь.

Я не стал уточнять, что «чисто» — понятие относительное. В данном случае — просто менее грязно, чем могло быть.

— Мы отследили финансовый след, — продолжил Беер. — Нападение не похоже на операцию Питуна. Исполнители — наёмники, без идеологической привязки. Деньги шли через гражданские контуры, цепочка сложная и намеренно запутанная.

— То есть меня пытались не убрать, — сказал я, — а изъять.

— Именно, — подтвердил он. — И желательно без шума. Это настораживает.

Я помолчал пару секунд, затем сказал:

— Они знали мой маршрут. Не публичный.

— Знали, — согласился Беер. — И это вторая плохая новость. Мы проверили стандартные источники утечек. Пока пусто.

Я почувствовал, как внутри снова встаёт та самая внутренняя граница.

Я мог рассказать про Мару.

Про эликсир.

Про её восстановленную память.

Но это уже было бы *лишним*.

— Я проверю свои сервисы и внутренние логи, — сказал я вместо этого. — Если найду аномалии — передам вам.

Беер посмотрел на меня внимательно. Без подозрения. Скорее — с профессиональным уважением.

— Ты что-то не договариваешь, — сказал он спокойно. — И я почти уверен, что делаешь это не из эгоизма.

Я не ответил сразу.

— Я просто стараюсь не расширять круг посвящённых без необходимости, — сказал наконец. — Даже среди своих.

Беер медленно кивнул.

— Это разумный подход, — сказал он. — Иногда даже слишком разумный. Но запомни, Тан: если станет по-настоящему опасно — ты не один.

Связь оборвалась.

Я остался сидеть, глядя на погасший экран. Я не солгал. Но и не сказал всего. И впервые понял, что между этими состояниями пролегает очень тонкая, но принципиальная грань.

Никто не должен знать лишнего.

Даже те, кто знает почти всё.

Я открыл рабочий терминал и загрузил логи своих систем. Если кто-то полез ко мне через цифру — он оставил след. А если нет...

Значит, играет на уровне, где ошибки допускаются только один раз.

Я погрузился в логи так, как умел лучше всего — без эмоций и без ожиданий. Когда ищешь конкретную ошибку, почти всегда находишь именно её. Когда ищешь *аномалию*, приходится забыть, как «должно быть правильно».

Первые часы ничего не дали.

Доступы — штатные.

API-ключи — валидные.

Запросы — легальные, распределённые, без всплесков.

Слишком аккуратно.

Я сменил масштаб анализа. Вместо того чтобы искать взлом, начал искать избыточную корректность. Повторы с идеальным интервалом. Обращения к данным, которые сами по себе не ценны, но в совокупности дают профиль. Маршруты, собранные не напрямую, а через корреляции — погода, загруженность трафика, мои собственные публичные паттерны.

Кто-то не лез в систему.

Кто-то *читал мир*.

— Красиво, — пробормотал я себе под нос. — И очень не по-питуновски.

Это был не стиль спецслужб, привыкших к грубой силе. И не стиль фанатиков. Это был стиль аналитика. Архитектора — не по имени, а по методу. Того, кто строит модель, а потом просто смотрит, как ты сам в неёходишь.

Я сохранил выборку, зашифровал её и убрал в автономное хранилище — не для ГСБ. Пока нет. Это было именно то «лишнее», о котором Бееру знать рано. Не потому, что он не поймёт. А потому, что тогда механизм начнёт крутиться быстрее, чем я успею за ним следить.

И тут терминал выдал уведомление о входящем вызове. Не служебном. Личном. Мара.

Я смотрел на имя на экране несколько секунд, прежде чем принять вызов. Всё рациональное во мне говорило — не сейчас. Всё человеческое — что игнорировать будет хуже.

— Тан, — сказала она сразу, без приветствий. — Ты ведь понимаешь, что после вчерашнего я не могу просто сделать вид, что ничего не было?

— Понимаю, — ответил я честно.

— Тогда у меня простой вопрос, — её голос был спокойнее, чем утром. Опасно спокойнее. — Мне угрожает опасность?

Вот тут логика дала трещину.

По всем инструкциям — следовало сказать «нет».

По всем расчётам — «пока нет».

По совести — я не имел права врать.

— Потенциально, — сказал я. — Но не потому, что ты что-то сделала. А потому, что ты оказалась рядом со мной не в то время.

Она помолчала.

— Ты всегда так формулируешь? — спросила она. — Так,

чтобы звучало честно, но не до конца?

Я усмехнулся.

— Профессиональная деформация.

— Тогда слушай, — сказала она. — Я не собираюсь никому рассказывать то, что видела. Ни журналистам, ни друзьям, ни в соцсетях. Не из страха. А потому, что... — она запнулась, — потому что я понимаю, что есть вещи, которые нельзя вытаскивать наружу.

Это было опасное совпадение.

Или очень редкое.

— Я тебе верю, — сказал я после паузы. И сам отметил: я не сказал «доверяю».

— Тогда у меня условие, — продолжила она. — Если я снова окажусь в опасности — ты скажешь мне об этом сразу. Не постфактум. Не через ампулы и провалы в памяти.

Я закрыл глаза на секунду.

Никто не должен знать лишнего.

Но «лишнее» — не всегда равно «чужое».

— Хорошо, — сказал я. — Это справедливо.

Разговор закончился быстро. Без пафоса. Без обещаний. Но после него я понял неприятную вещь: мир перестал быть чисто абстрактным. В нём снова появился человек, за которого я отвечал не по инструкции.

Я вернулся к терминалу. Архитектор — кем бы он ни был — строил модель без эмоций. Я же только что добавил в уравнение переменную, которую невозможно просчитать. И

это делало игру по-настоящему опасной.

Реакция на пост накрыла меня быстрее, чем я ожидал. Сначала — привычный шум. Репосты, короткие комментарии, эмоциональные лозунги. Потом — аналитика. Политические каналы, экспертные блоги, «независимые обозреватели», каждый из которых внезапно счёл нужным объяснить читателям, что именно я имел в виду и почему на самом деле всё не так просто.

А затем началось то, что никогда не бывает случайным.

Почти сразу пришло письмо от одного из крупных медиахолдингов — интервью, прямая линия, «взвешенный диалог без крайностей».

Через полчаса — письмо другого рода. Анонимное. Короткое.

«Гоар, ты слишком уверен, что будущее уже победило.

История любит преподносить сюрпризы».

Вот тут фамилия резанула. Не «Тан». Не «блогер». Не «разработчик». *Гоар*.

Фамилия, которую знали слишком многие. Фамилия, связанная не только с корпорацией, но и с тем самым прошлым, о котором сейчас так любили рассуждать диванные стратеги. Я закрыл письмо, не отвечая. Угрозой это не было. Скорее — пробой. Проверкой реакции.

Я открыл ленту новостей ещё раз. Заголовки множились:

«Сын Гоара обвиняет Вейнару в войне с будущим»

«Тан Гоар: технократ против реваншизма»

«Опасный оптимизм или наивная пропаганда?»

Никто не писал о сути. Все писали о *персоне*.

О второй половине моей родословной пока почти не вспоминали. Мой дед по матери, Бен Ахад, учёный-физик, стал первым президентом независимой Гибборы и затем был переизбран на второй срок. Теперь он занимал куда более близкий для себя пост министра науки. Но для заголовка «сын Гоара» было короче и удобнее.

Я поймал себя на странной мысли: пока я говорил о разуме и технологиях, меня слушали. Как только зазвучала фамилия — меня начали *использовать*. Каждый по-своему. Каждый — в своих целях.

Смартфон снова завибрировал. Сообщение от Беера.

«Резонанс предсказуем. Совет: сократи публичную активность».

Сейчас ты слишком заметен».

Я усмехнулся.

— Поздно, — пробормотал я вслух.

Я снова открыл блог. Написал коротко, почти сухо — без метафор и без надежды понравиться всем.

Я — Тан Гоар.

И да, моя фамилия известна.

Но война, о которой я писал, не про меня и не про мою семью.

Она про выбор между страхом и разумом.

И если кому-то кажется, что фамилия делает аргумент

слабее —

значит, аргументы закончились.

Я не стал публиковать сразу. Прочитал ещё раз. Затем — удалил текст. Не из трусости. Из расчёта.

Иногда молчание — единственный способ не сказать лишнего.

Я закрыл блог, отключил уведомления и откинулся в кресле. Имя *Гоар* уже пошло гулять по чужим ртам. Остановить это было невозможно. Оставалось только одно — следить, *кто и как* его произносит.

Потому что те, кто действительно опасен, почти никогда не кричат.

Связь пришла не через официальные каналы и не напрямую. Это было бы слишком грубо. Вместо этого мне позволили с номера, зарегистрированного на один из нейтральных дипломатических фондов — формально гуманитарный, фактически прокси для переговоров без флагов и печатей.

— Господин Гоар, — голос был мягкий, выверенный, без акцента. — Я представляю интересы людей, которым небезразлична стабильность региона. Мы внимательно читаем ваш блог.

— Это уже звучит тревожно, — ответил я.

— Напротив. Это говорит о влиянии. Вы — публичная фигура. Ваши слова слышат. И именно поэтому с вами хотят говорить, а не спорить.

Я не перебивал. Пусть говорит.

— Президент Питун, — продолжил голос, — считает, что вы человек будущего. Рациональный. Не склонный к эмоциям. Он уважает таких людей.

Вот тут стало по-настоящему интересно.

— Передайте президенту Питуну, — сказал я спокойно, — что уважение не измеряется числом крейсеров у наших берегов.

На том конце линии последовала короткая пауза.

— Вы неверно понимаете посыл. Речь не о войне. Речь о порядке. О восстановлении исторического баланса. И о том, чтобы такие люди, как вы, не оказались по другую сторону баррикад... случайно.

— Это угроза? — спросил я.

— Это приглашение, — тут же ответили. — К диалогу. К сотрудничеству. К будущему, где разумные люди не гибнут из-за ошибок политиков.

Ошибок политиков. Любопытная формулировка.

— Я подумаю, — сказал я и завершил вызов.

Я не испытывал ни страха, ни злости. Только ясное понимание: *меня начали пробовать на вес*. Не как противника и не как союзника — как ресурс.

И именно в этот момент произошло нечто куда более тревожное.

На терминале, где я оставил зашифрованную выборку аномалий, всплыло уведомление. Не о взломе. Не о попытке доступа. А о... *коррекции*.

Один из вспомогательных графиков — тот, который я не считал ключевым, — изменился. Совсем чуть-чуть. На долю процента. Так, что заметить это мог только тот, кто сам его строил.

Я замер.

Это не было вторжением.

Это было *прикосновение*.

Кто-то не читал мои данные. Кто-то *показал, что знает, где они лежат*. И что при желании может переписать картину мира — не ломая систему, а слегка подправляя её.

Сообщения не было. Подписи — тоже. Только новая строка в логах, аккуратно вписанная в общий поток, как будто она всегда там была.

Я медленно выдохнул. Вот он. Не Питун. Не его генералы. Тот, кто работает не с армиями, а с моделями. *Архитектор*.

Я не знал его имени. Не знал целей. Но теперь знал главное: он следит не за новостями и не за блогами. Он следит *за мной*. И считает, что может позволить себе маленькие демонстрации.

Я закрыл терминал, отключил питание и впервые за долгое время почувствовал не холодный расчёт, а настоящее напряжение — как перед партией, где оба игрока уже поняли, что играют на одном уровне.

Питун звал меня в прошлое, прикрываясь будущим. Архитектор смотрел дальше — туда, где такие, как Питун, были всего лишь переменными. А я стоял между ними, с фамили-

ей *Гоар*, которая внезапно перестала быть просто наследием.

Я долго сидел в тишине, не включая ни новостей, ни терминалов. Город за окном жил так, будто ничего не произошло — будто не было звонка, не было намёка, не было тонкого движения в логах, которое заметил бы один человек из миллиона. Это и было самым тревожным.

Питун действовал открыто. Его армия наступала, его прокси звонили, его риторика звучала в каждом новостном выпуске. Прошное всегда любило шум. Ему нужно было, чтобы его видели, боялись, обсуждали.

Архитектор был другим. Он не ломал систему — он слегка смещал параметры. Не спорил — проверял. Не угрожал — демонстрировал присутствие.

И где-то между ними находился я. Тан Гоар. Не солдат. Не политик. Не пророк. Пока ещё. Я понял, что больше не могу позволить себе роскошь реагировать. Любая реакция — это ответ, а любой ответ выдаёт форму мышления. Теперь нужно было действовать иначе. Становиться не целью и не пешкой, а тем, кого трудно прочесть.

Я открыл сейф, которым пользовался крайне редко, и достал носитель с резервной копией старых протоколов — тех, что когда-то писал не для бизнеса и не для государства. Для себя. Для экспериментов, которые не должны были выйти в сеть.

Если Архитектор читает мир через модели, значит, ему можно подсунуть *неправильную*.

Я не знал, сработает ли это. Не знал, заметит ли он. Но впервые с начала этой истории у меня появился не вопрос, а ход. Я вернул носитель в сейф, закрыл его и набрал код блокировки. *Никто не должен знать лишнего.* Включая тех, кто уверен, что знает почти всё.

Партия началась.

Глава 4

Я не спал. Лежал на спине и смотрел в потолок, считая вдохи — не потому, что нервничал, а по привычке. Медленный вдох, пауза, выдох. Так дышат не те, кто не может уснуть, а те, кто не уверен, что сон безопасен. За панорамным окном моей спальни мерцал ночной город — тихий, аккуратный, почти идеальный. Эта тишина должна была успокаивать, но вместо этого казалась декорацией.

Правая рука отзывалась тупой, тянущей болью. Не сильной — скорее навязчивой, как напоминание. Я машинально сжал пальцы, разжал, снова сжал. Движение получилось точным, безупречным, но ощущение было странным — будто рука принадлежала мне лишь частично. Я давно научился не обращать на это внимания, но ночью игнорировать такие вещи сложнее.

Сон накрыл меня резко, без привычного скольжения. В какой-то момент тьма под веками просто стала глубже — и мир сменился.

Камень. Холодный, шероховатый, пропитанный влагой.

Запах — кровь и что-то сладковато-дымное, похожее на ладан. Небо — чужое, низкое, давящее, словно вот-вот рухнет.

Я шёл по площади, и каждый шаг отдавался болью в плече. Где-то впереди звучал голос. Женский. Я узнавал его не по имени — по ощущению, как узнают родной дом в темноте. Она звала меня. Потом раздался крик — резкий, обрывающийся.

А потом пришла боль. Настоящая, ослепляющая. И сразу за ней — пустота.

Я резко сел в постели. Сердце билось ровно, без паники, но во рту пересохло. Я провёл ладонью по лицу, задержался на шее, проверяя пульс — жест, которому давно не находил рационального объяснения. Сон рассыпался, оставив после себя тяжёлый осадок, как после удара, детали которого не удаётся вспомнить.

Утро пришло слишком быстро. Экран планшета вспыхнул новостной лентой ещё до того, как я успел сделать первый глоток воды.

Наступление. Новые направления. Новые города. Цифры потерь я пролистывал автоматически, отмечая лишь динамику. Аналитическая часть сознания работала чётко, без сбоев. Питун расширял фронт. Делал то, что всегда делают люди, уверенные в своей исторической правоте.

Я поймал себя на том, что не чувствую ни злости, ни страха. Только усталое, почти профессиональное понимание: *так выглядит эскалация.*

Я выключил экран и несколько секунд смотрел на своё отражение в чёрном стекле. Тот Тан, которого знали снаружи — уверенный, рациональный, говорящий о будущем и разуме, — имел мало общего с тем, кто только что вынырнул из кошмара. Эти два образа существовали параллельно и почти не соприкасались.

Через час я был одет, собран и спокоен. Город снова принял меня как своего: охрана, лифты, стекло, металл, привычная суeta корпорации. Здесь всё подчинялось логике. Здесь не было места для обрывков памяти и ночных голосов.

Почти.

В лифте я ехал один. Прозрачные стены показывали город снизу вверх — аккуратный, выверенный, живущий по правилам. Я поймал себя на том, что снова считаю этажи, хотя прекрасно знал, на каком выйду. Привычка контролировать путь, даже когда он давно проложен.

На этаже совета было тихо. Слишком тихо для места, где решаются вопросы на миллиарды. Меня встретила Рэка — кивком, без улыбки. У неё вообще редко появлялись лишние выражения лица.

— Все уже собрались, — сказала она. — Ждут тебя.

Ждут. Не Эла. Уже не его.

Я вошёл в зал заседаний. Стекланный стол, приглушённый свет, знакомые лица. Зара сидела прямо, сложив руки, Лина что-то пролистывала на планшете, Рина смотрела в одну точку, будто сквозь стекло. Мар поднял на меня взгляд

и чуть заметно выдохнул — так, словно проверял, что я на месте.

— Начнём, — сказал я, занимая кресло во главе стола. Слово легло легко. Слишком легко.

Рэка вывела на экран сводку. Цифры, графики, стрелки. Логистика, риски, замедление цепочек поставок. Война Питуна уже начинала касаться нас не абстрактно, а через конкретные маршруты и контракты: на континенте были наши ключевые закупщики.

— Если наступление продолжится в том же темпе, — сказала она, — через три месяца мы потеряем доступ к восточному узлу. Нужно принимать решение сейчас.

— Перенос, — ответил я почти сразу. — Через южный коридор. Дороже, но устойчивее.

Рэка посмотрела на меня внимательнее, чем обычно.

— Эл предлагал то же самое, — сказала она.

Я почувствовал, как внутри что-то напряглось. Не боль — скорее раздражение.

— Сейчас здесь я, — ответил я ровно. — И я предлагаю то же самое не потому, что так делал он.

В зале повисла короткая пауза. Зара чуть наклонила голову.

— Ты уверен, что это не эмоциональное решение? — спросила она мягко. — Ты всё ещё...

Она не договорила. И не нужно было.

— Я уверен, — сказал я. — Потому что это единственный

вариант, который не обрушится при следующей эскалации.

Мар кивнул. Лина быстро внесла правки. Разговор пошёл дальше — спокойно, деловито, без лишних слов. Мы обсуждали проценты, сроки, резервные мощности. Всё то, что легко измеряется и контролируется.

И всё это время я ловил себя на странном ощущении: *мне не было сложно*. Ни принять решение, ни взять ответственность. Сложно было только одно — не слышать в каждом втором предложении имя отца, даже когда его не произносили.

В какой-то момент Хан Келлер откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня поверх очков.

— Ты действуешь хладнокровно, — сказал он. — Для человека в твоём положении.

— В каком именно? — спросил я.

— Для человека, у которого пропал отец, — ответил он без нажима.

Я посмотрел на него прямо.

— Если я начну действовать иначе, — сказал я, — у нас пропадёт не только отец. У нас пропадёт компания.

Келлер усмехнулся, но больше ничего не сказал.

Совещание закончилось быстрее, чем обычно. Когда последний из директоров вышел, я остался один. Экран всё ещё показывал карту маршрутов — линии, узлы, обходные пути. Я смотрел на неё и вдруг понял, что мыслю так же, как ночью: *не как руководитель*, а как человек, привыкший ис-

кать выход из замкнутого пространства.

Я закрыл карту и поднялся.

Рабочий день только начинался.

Я уже собирался уйти, когда на коммуникаторе всплыло сообщение от Мары:

«Ты обещал поговорить. Я сейчас свободна.»

Я колебался дольше, чем следовало. Не потому, что не хотел — потому что знал: любой разговор с ней неизбежно упрётся в то, что я привык обходить стороной. Но уклоняться дальше было бы слишком заметно.

— Заходи, — ответил я. — Мой кабинет.

Она пришла быстро. На этот раз без улыбки и без привычной лёгкости — словно заранее решила, что разговор будет непростым. Закрыла за собой дверь, несколько секунд постояла, глядя на меня, потом села напротив.

— Я не собираюсь устраивать допрос, — сказала она. — Но ты вчера солгал. И сегодня тоже.

— В чём именно? — спросил я.

— В том, что с тобой всё в порядке.

Я усмехнулся.

— Это довольно расплывчатое обвинение.

— Я психолог, Тан, — спокойно ответила она. — И у меня хорошая память. В том числе на невербальные вещи. Ты не спишь. Ты постоянно контролируешь пространство. И ты реагируешь на угрозу быстрее, чем человек, который живёт спокойной жизнью.

Я посмотрел в окно. Город внизу был всё таким же аккуратным и безмятежным.

— Иногда людям просто снятся плохие сны, — сказал я.

— Иногда, — согласилась она. — Но у тебя это не «иногда». Это фон.

Я молчал. Она не торопила — и этим раздражала больше всего.

— Мне снятся кошмары, — сказал я наконец. — Давно.

— Про что?

— Про места, в которых меня не должно было быть.

Она слегка наклонилась вперёд.

— Это метафора?

— Нет.

Я повернулся к ней. Впервые за всё время — по-настоящему. — Я был в другом мире, Мара. Не в переносном смысле. В буквальном.

Она не рассмеялась. Не отшатнулась. Просто кивнула, будто ставя мысленную галочку. После того, как она столкнулась с такими технологиями как стирание памяти и телепортация, такой возможности она не удивилась.

— И там произошло что-то травмирующее?

— Да.

— Ты потерял кого-то?

Вопрос был задан тихо, почти бережно. Я почувствовал, как правая рука снова отозвалась тупой болью.

— Я не успел, — сказал я. — Этого достаточно.

Мара несколько секунд смотрела на меня, потом медленно выдохнула.

— Ты знаешь, что люди обычно делают с такими воспоминаниями?

— Стирают, — ответил я слишком быстро.

Она подняла на меня взгляд.

— Или пытаются стереть, — поправила она. — Но они никуда не деваются. Просто начинают выходить другим способом.

— Например, ночью, — сказал я.

— Например, — согласилась она. — Или в ситуациях, где ты снова оказываешься под давлением.

Я хотел сказать что-то резкое, закрывающее разговор, но не стал.

— Есть вещи, о которых нельзя говорить вслух, — сказал я вместо этого.

— Не потому, что стыдно. А потому, что знание само по себе может навредить.

— Кому? — спросила она.

Я помедлил.

— Всем.

Она задумалась, потом мягко улыбнулась — впервые за весь разговор.

— Тогда скажи хотя бы одно, — сказала она. — Не как директор. Не как сын Эла Гоара. Как человек.

Я посмотрел на неё и понял, что отступить уже некуда.

— Я не герой, — сказал я. — И я точно не тот, кем меня часто считают. Всё, что у меня есть, — это опыт, за который я заплатил слишком дорого.

Мара кивнула.

— Это честный ответ.

Она поднялась, направилась к двери, но уже на пороге обернулась.

— Если ты когда-нибудь решишь рассказать больше, — сказала она, — делай это не потому, что должен. А потому, что больше не можешь молчать.

Дверь закрылась. Я остался один.

Я знал, что она права.

И знал, что пока — не готов.

Когда дверь за Марой закрылась, в кабинете стало необычно тихо. Не той тишиной, что бывает ночью, а рабочей — стерильной, безопасной. Я опустил в кресло и на несколько секунд закрыл глаза.

Она была права в одном: молчание — тоже действие. Но не всякая правда делает мир лучше. Некоторые знания не просвещают — они заражают. Я видел это слишком много раз, чтобы тешить себя иллюзиями.

Людам кажется, что опасны только оружие и приказы. На самом деле куда опаснее — ответы. Один лишний ответ, сказанный не тому и не вовремя, способен запустить цепочку, которую уже не остановить. Я знал, как легко из желания *понять* вырастает желание *вмешаться*. И как быстро вмеша-

тельство превращается в катастрофу.

Я посмотрел на свои руки. Левая — обычная. Правая — послушная, точная, почти идеальная. Слишком идеальная для того, чтобы быть напоминанием о чём-то хорошем.

Нет, дело было не в недоверии. И не в страхе. Просто у любой информации есть цена. И платить за неё будут не те, кто её узнает первыми.

Никто не должен знать лишнего.

Не потому, что я выше других. А потому, что я уже видел, чем это заканчивается. Я открыл глаза и снова стал директором, аналитиком, публичным лицом. Тем, кем меня хотели видеть. А то, что было за этим, — пусть остаётся при мне. Пока может.

Я уже собирался встать, когда коммуникатор тихо вибрировал на столе. Не сигнал вызова — служебное оповещение, то самое, которое никогда не срабатывает без причины.

Нестандартная активность. Сектор С—17. Инфраструктурный объект «Гоар Тех».

Я не стал открывать подробности. Такие уведомления не требуют анализа — только решения. Я надел пиджак, машинально проверяя, что рукав свободно ложится на правое запястье. Рука снова отозвалась слабым импульсом, будто тоже всё поняла.

В коридоре было пусто. Слишком пусто для рабочего времени. Я поймал себя на том, что иду не к лифту, а к аварийному выходу — и не стал себя поправлять. Иногда тело пом-

нит маршрут раньше головы.

На парковке меня уже ждал служебный электромобиль. Двигатель работал тихо, почти неслышно. Город вокруг жил своей обычной жизнью — кафе, пешеходы, реклама, солнечные панели на крышах. Всё выглядело так, будто ничего не должно случиться.

Именно в такие моменты это и происходит.

Я сел за руль, и навигация сама проложила маршрут — короткий, без лишних разворотов.

С—17. Шесть минут.

Я выехал со стоянки и впервые за день позволил себе одну честную мысль:

Если они пришли за инфраструктурой, значит, следующий шаг — я.

Экран мигнул ещё раз.

Потеря связи с внутренними датчиками.

Я прибавил скорость.

Я почувствовал неладное ещё до того, как въехал на территорию. Не тревогу — несоответствие. Слишком много тишины, слишком мало движения. Объект С—17 всегда жил фоном: гул, свет, люди в форме и без, транспорт. Сейчас всё это словно вырезали из реальности.

Автомобиль остановился сам, система безопасности перешла в автономный режим. Я вышел, и в этот момент сработала аварийная сигнализация — не громко, а отрывисто, как дыхание человека, которому не хватает воздуха.

— Чёрт...

Внутри пахло перегретым металлом и озоном. Где-то глубже, за стенами, что-то сбило — не взрывалось, не горело, а *расползлось*, как плохо рассчитанная цепная реакция. Я услышал крики.

Я побежал.

Аугментированное тело слушается мгновенно. Никаких раздумий, никаких лишних движений — только траектории и импульсы. Дверь я просто вынес плечом, не сбавляя скорости. В коридоре двое охранников пытались поднять раненого техника. Я подхватил его одной рукой, передал им, даже не останавливаясь.

— Эвакуация, — бросил я. — Немедленно. Всё, что движется, — наружу.

Они кивнули, не задавая вопросов. Так всегда бывает в настоящих авариях — люди слушают того, кто двигается быстрее страха.

Глубже в секторе пол частично просел. Балка держалась на честном слове, под ней зажало женщину. Она была в сознании, смотрела на меня широко раскрытыми глазами и пыталась что-то сказать, но голос не слушался.

— Смотри на меня, — сказал я. — Всё будет быстро.

Я упёрся руками в металл. Даже для меня это было тяжело — балка была рассчитана на нагрузку в десятки тонн. Я почувствовал, как мышцы напряглись до предела, как тело пытается перераспределить усилие. Этого хватило, чтобы

освободить её на несколько сантиметров — ровно столько, чтобы вытащить.

В этот момент пол задрожал.

И тогда я услышал другой звук — не аварийный, не человеческий. Ровный, механический. Шаги.

Из бокового прохода вышла машина. Боевая платформа — компактная, автономная, явно не из стандартного набора охраны объекта. Не из этого мира. Гладкий корпус, сенсоры вместо глаз, оружейные модули, уже наводящиеся на цель. На меня. Вот теперь — *это не случайность*.

Обычного человека она бы разнесла за долю секунды. Необычного — тоже, если застать врасплох. Псионикой тоже так сразу не выжечь. Но реакция у меня была быстрее, чем у её систем наведения. Я ушёл в сторону ещё до того, как она закончила расчёт траектории, перекатился, поднялся — и увидел, как первый заряд прожигает стену там, где я стоял секунду назад.

Я мог бы убежать. Мог бы прятаться. Мог бы играть в кошки-мышки, пока люди эвакуируются. Но за моей спиной всё ещё были люди. Я шагнул вперёд.

Платформа развернулась, пересчитывая угрозу. Я видел это по микродвижениям корпуса. Она считала меня опасным — но *в рамках допустимого*. Это была её ошибка.

Я позволил ей выстрелить ещё раз — слишком близко. Дал ей поверить, что она контролирует дистанцию. А потом сократил её до нуля.

Кибер-рука сработала иначе, чем всегда. Не как инструмент, а как *решение*. Я вцепился в корпус машины, и на мгновение почувствовал сопротивление — словно держал в руках живое существо, которое не хочет умирать.

Потом сопротивление исчезло.

Металл не выдержал. Корпус смялся, сенсоры погасли, оружейный модуль оторвался и с грохотом ударился о пол. Машина рухнула, беспомощная и потухшая

Я стоял над ней, тяжело дыша. Правая рука дрожала. Не от нагрузки — от перегрузки. Боль накатила волной, резкой и злой, заставив меня стиснуть зубы.

Я знал это чувство.

Слишком много. Слишком явно.

Сзади раздались шаги. Люди. Они смотрели на меня — на разрушенную машину, на искореженный металл, на мою руку.

— Ничего себе, у вас... экспериментальные разработки,
— выдавил из себя один мужчина.

— Всё в порядке, — сказал я резко. — Продолжайте эвакуацию.

Они подчинились. Потому что сейчас им нужен был не ответ, а порядок.

Когда последний человек ушёл, я позволил себе прислониться к стене. Боль в руке стала глухой, тянущей, почти знакомой. Такой же, как в кошмарах.

Я закрыл глаза. И снова увидел камень. Услышал крик.

И понял, что некоторые сцены повторяются не потому, что мир жесток,

а потому, что я снова и снова оказываюсь там, где не могу спасти всех.

Я покинул объект, не оглядываясь. Сирены стихали, техника ГСБ брала периметр под контроль, а я чувствовал только одно — опустошение. Не усталость, не страх, а именно пустоту, которая остаётся после вспышки силы, о которой нельзя рассказывать.

В машине я долго сидел, не заводя двигатель. Правая рука уже не болела — она была просто холодной и чужой. Так всегда бывает после перегруза. Я смотрел на неё и ловил себя на мысли, что боюсь не того, что она есть, а того, насколько легко я к ней прибегаю, когда ситуация выходит за рамки допустимого.

Ночью мне снова снился Йерр. Не целиком — обрывками. Камень под ладонями, запах крови и ладана, чьи-то крики на языке, который я когда-то знал, а теперь не могу вспомнить. И женщина — без лица, но с ощущением тепла, которое исчезает слишком быстро. Я проснулся в холодном поту и понял, что кошмары становятся ближе, чётче. Значит, память ищет выход.

Лёжа в темноте, я повторил про себя правило, которое выучил задолго до того, как стал техномажором Таном Гоаром, сыном Эла Гоара, директором «Гоар Тех» и публичным лицом новой Гиббори.

Никто не должен знать лишнего.

Ни о прогрессорах. Ни обо мне. Ни о том, какую цену приходится платить, когда прошлое наносит ответный удар.

Я и сам многого не знаю. Когда-то я пытался стать быть таким же как отец. И я стал не только программистом, но и прогрессором. Но понял, что второе — не моё. Моя прогрессорская карьера длилась две недели. И они стёрты из моей памяти.

За тот период я был травмирован. И физически, и психически. Что конкретно произошло, я не помню. Но в бою я лишился правой руки. На ближайшей базе прогрессоров не было оборудования, способного вырастить мне новую органическую руку. И мне поставили киберпротез.

Когда я вернулся, мне предложили вырастить новую, органическую. Но я сказал, что теперь этот протез — часть меня. Хотя мой дед из далёких краёв чуть удивился и назвал меня «добровольным инвалидом».

И мою память стёрли.

Вспоминаю, что я пошёл прогрессором на планету Йерр, приземлился, а потом — очнулся через две недели на базе прогрессоров на Гибборе.

На моём коммуникаторе красовалось анонимное сообщение, созданное без ай-пи адреса:

«Ты был тяжело травмирован. Я не хочу, чтобы ты далее жил с этим опытом. Я стираю тебе память об этих событиях. Друг».

Кто это мог быть? У меня несколько версий, но я никого из подозреваемых не решался спросить лично.

Наиболее вероятная версия — мой отец. Прогрессор старой школы, знал цену памяти, пережил собственные травмы. Когда-то он принял решение стереть неделю памяти моей сестре — чтобы убрать часть её травм. И он мог назвать себя в сообщении «другом», а не «отцом», потому что захотел им быть в этой ситуации.

Это могла быть моя мать. Менее вероятно, но она могла не хотеть смотреть, как её сын страдает.

Может, кто из моих друзей-прогрессоров? Или руководство Ордена Прометея? Медики прогрессоров? Возможен такой вариант.

Никто не должен знать лишнего.

Очевидно, что и я.

Глава 5

Я знал Зива Корэна дольше, чем большинство людей в моей жизни.

Дольше, чем многих родственников. И уж точно дольше, чем всех моих нынешних союзников.

Мы не виделись несколько недель, но он вёл себя так, будто мы расстались вчера.

— Ты выглядишь паршиво, — сказал он вместо приветствия.

— И ты тоже, — ответил я. — Значит, всё по-прежнему.

Он усмехнулся и сел напротив, закинув ногу на ногу. Зив всегда выглядел немного неуместно — слишком живой для этого мира. Слишком настоящий. Иногда, впрочем, в Зиве проступало нечто старомодное. Он безошибочно выбирал место за столом, представлял незнакомых людей друг другу по правилам, которых никто уже не помнил, и благодарил официантов с такой серьёзностью, будто от этого зависела честь его дома. Сам Зив над этими привычками смеялся.

Я видел его мать всего несколько раз. Беженка из распавшейся Империи. Она говорила спокойно, без акцента, но иногда употребляла обороты, которые я встречал только в дореспубликанских книгах, и держалась так, словно настоящий её мир — с церемониями, фамильными портретами и правилами, назначение которых все давно забыли, — остался где-то в прошлом. Не надменно. Просто она была воспитана для другой жизни. О её семье Зив не рассказывал.

Зато историю его отца я знал хорошо. Шай Корэн был ибером. Зив — ибер по отцу, я — по матери. Шай участвовал в революции, а после её победы подружился с моим отцом и пошёл работать в его корпорацию. Мы с Зивом в каком-то смысле унаследовали их дружбу.

С иберской общиной столицы у нашей семьи вообще были непростые отношения. Именно там Эла Гоара когда-то признали мессией. Вокруг него собрались люди, из которых он затем организовал революционеров. Но участие отца в революции осталось тайной. Для широкой публики он был тех-

номагнатом, а не человеком, стоявшим у истоков восстания.

В общине, впрочем, помнили по-своему. На её основе сложилась секта «Дети Судного Дня», куда вошли тысячи людей, в том числе представителей других народов. Основал её покойный законоучитель иберов Цив Каддар. Последователи секты верили, что Эл Гоар — мессия и духовный лидер революции. Он принёс справедливость на Гиббору, а его кровной линии предстояло покончить с несправедливостью в остальном мире.

Насчёт духовного лидерства они были ближе к правде, чем полагали посторонние. Насчёт всемирной справедливости — выставили нашей семье довольно внушительный счёт. Моего согласия, разумеется, никто не спрашивал.

— Я читал твой пост, — сказал он. — Красиво написал. Особенно про войну прошлого с будущим.

— Это была не метафора.

— Я знаю, — кивнул Зив. — Поэтому и пришёл.

Он помолчал, разглядывая меня так, как умеют только старые друзья. Не оценивая. Не анализируя. Просто отмечая, что что-то не так.

— Ты опять не спишь? — спросил он.

Я пожал плечами.

— Иногда сплю. Иногда нет.

— Снятся сны?

Я посмотрел в окно. Город жил своей жизнью — слишком спокойной для того, что происходило за его пределами.

— Не уверен, что это можно назвать снами, — сказал я наконец. — Скорее... остаточные файлы.

Зив хмыкнул.

— Ты всё ещё пытаешься говорить о себе как о системе.

— Так проще.

— Проще — не значит безопаснее, — ответил он. — Ты же это знаешь.

Я знал. Именно поэтому не спорил.

— Ты выглядишь так, будто постоянно что-то охраняешь, — продолжил он. — Даже когда сидишь и пьёшь кофе.

— Профессиональная деформация.

— Нет, — сказал Зив мягко. — Личная.

Он не стал развивать мысль. За это я его и ценил.

Мы помолчали.

— Знаешь, — сказал он через какое-то время, — люди сейчас делают из тебя символ. Мемы, цитаты, нарезки. Ты для них — голос будущего.

— Я не подписывался на эту роль.

— Никто не подписывается, — пожал он плечами. — Просто в какой-то момент оказывается, что больше никому.

Я усмехнулся.

— Ты пришёл сказать мне, чтобы я был осторожнее?

— Нет, — ответил Зив. — Я пришёл сказать, что ты не обязан быть один.

Я посмотрел на него. Долго. Впервые за день — прямо.

— Это не то одиночество, которое лечится компанией, —

сказал я.

— Я знаю, — кивнул он. — Но это то одиночество, которое становится опасным, если делать вид, что его нет.

Он встал.

— Если что, — добавил он уже у выхода, — я рядом. Даже если ты снова решишь, что никто не должен знать лишнего.

Дверь закрылась.

Я остался один — но уже не так, как раньше.

Лента жила своей жизнью.

Пока генералы Питуна рисовали стрелки на картах, Сеть отвечала тем, что умела лучше всего — иронией.

Первым в топ вылез знакомый уже мем: стоп-кадр с очередной речью Питуна, тяжёлый взгляд, сжатые губы, за спиной знамёна. Подпись была лаконичной:

«Питун снова в 1988. Когда календарь — враг государства».

Я пролистал ниже.

Ржавый танк, стоящий где-то на свалке истории. Под ним жирными буквами:

«Вернём Империю».

А мелким шрифтом — приписка:

«Работает, если не включать».

Питун, идущий в наступление с саблей и словами «У нас традиции». И выходящий ему навстречу солдат Гибборы в сопровождении дронов, оснащённых автоматами: «А у нас

— *инновации*».

Ещё ниже — картинки. Бойцовые петухи в касках, с автоматами, нарисованными нарочито криво. Хэштег мелькал почти в каждом втором комментарии:

#кукареку_спецоперация.

Следом шёл ролик со стадиона в Тарагозе. Над трибунами развевались тарагозские флаги: жёлтая полоса сверху, синяя снизу. Золотые поля над синим морем. Трибуны скандировали:

— Питун! Кукареку! Убирайся в конуру!

Кричалку придумали тарагозские футбольные фанаты. Судя по следующим роликам, её уже подхватили болельщики команд, которые обычно соглашались друг с другом только в том, что судья куплен. Теперь появилась ещё одна точка согласия.

Я закрыл ленту.

Смеялись не потому, что было смешно. Смеялись потому, что понимали: пафос прошлого всегда требует крови, а не лайков. Мемы были не про войну — они были про отказ воспринимать её всерьёз, как нечто неизбежное и священное.

Я сам недавно написал почти то же самое, только другими словами: война прошлого с будущим. Прошлое всегда проигрывало. Но успевало утащить за собой слишком многих.

И именно это сейчас пугало больше всего.

Я сидел напротив Лара Беера и крутил в пальцах чашку с

чаем. Кабинет был простым — почти аскетичным. Никакого пафоса, никакой демонстрации власти. Именно таким я его и помнил.

— Ну что, — сказал он, не глядя на меня, — поздравляю. Временный директор «Гоар Тех».

— Не та должность, о которой мечтают, — ответил я. Он усмехнулся.

— О таких должностях вообще не мечтают. В них просятся.

Я посмотрел на него внимательнее. Очки, аккуратная борода, усы. Чуть другая линия скул, другой подбородок. Наномаскировка была хорошей — как всегда. Но для тех, кто знал, различия были косметическими.

— Забавно, — сказал я. — В Сети опять всплыли мемы.

— Какие на этот раз? — поинтересовался он спокойно.

— «Погиб Зар Дэккар и родился Лар Беер». Кто-то даже сделал коллаж: слева ты без бороды, древний старик, справа — с бородой, помоложе. Подпись: *«Ребрендинг спецслужб»*. Он хмыкнул.

— А что, неплохо. Лучше, чем «вечный глава ДФБ».

— Ещё ходит шутка, что ГЖБ¹ — это тайное подразделение ГСБ. Мол, бородатый старик в очках следит за тем, доели ты баранину... и заодно за тобой.

— Народный фольклор, — пожал он плечами. — Когда

¹ Сеть фастфуда «Гибборская жареная баранина». Её маскот — Бен Бакар, улыбающийся бородатый старичок в очках.

спецслужбы становятся объектом шуток, значит, они делают свою работу правильно. Или, по крайней мере, не пугают.

Я кивнул. В этом была логика, которую он всегда умел видеть. При Дэккаре за такое шутили бы в камере. При Беере — ставят лайки.

— Всё-таки странно, — продолжил я. — Зар Дэккар правил ДФБ дольше, чем некоторые государства существуют. Слишком долго. Даже по нашим меркам.

Он наконец посмотрел мне в глаза.

— Поэтому Зар Дэккар и погиб в теракте, — сказал он просто. — А Лар Беер родился. Мир должен иногда думать, что эпохи заканчиваются.

— А ты? — спросил я. — Ты кем себя сейчас считаешь? Он задумался на секунду.

— Константином Ларионовым, — ответил он. — В редкие моменты. Когда это действительно важно.

Я усмехнулся.

— Дядя Костя... Скажи честно. Это как тогда? Когда ты говорил отцу, что он зашёл слишком далеко?

Тень пробежала по его лицу. Очень короткая, почти незаметная.

— Когда-то давно, — сказал он. — Только ставки выше. И времени меньше.

— Он жив? — спросил я.

Он не стал уходить от вопроса.

— Я не видел его тела, — ответил он. — А значит, для

меня он жив. Но ты должен понимать: если Эл исчез, значит, он сделал это не случайно. Или ему помогли.

Я сжал чашку сильнее, чем нужно.

— Я найду его.

— Я знаю, — спокойно сказал он. — Именно поэтому я и не собираюсь тебя останавливать.

Он сделал паузу и добавил:

— Но помни: иногда самое опасное — не то, что ты узнаешь. А то, *что узнают о тебе*.

Я поднялся.

— Никто не должен знать лишнего, — сказал я.

Он кивнул.

— Хорошее правило. Я когда-то тоже его выучил.

Я стоял у панорамного окна кабинета Лара Беера и смотрел вниз, на город. Гиббора жила своей обычной жизнью — транспорт, экраны, люди с кофе в руках. Слишком спокойно для мира, в котором уже началась война.

— Я не понимаю, — сказал я наконец.

Повернулся к нему.

— Мы знаем, кто такой Питун. Мы знаем, что он начал войну. Мы знаем, что он знает о прогрессорах.

Я сделал паузу.

— Так почему он всё ещё жив и у власти?

Беер не ответил сразу. Он просматривал сводку на планшете, но я видел — он уже всё прочитал.

— Ты помнишь Нира Ламеда? — спросил он вместо от-

вета.

— Конечно, — кивнул я. — Один из генсеков Конфедерации Социалистических Республик. Он организовал интервенцию против Гибборы, — Я нахмурился. — А потом его просто... убрали.

— Именно, — спокойно сказал Беер. — Убрали. Его не убили. Не арестовали. Не сослали. Его отправили на пенсию.

— Но он был главой Конфедерации.

— И именно поэтому, — сказал Беер. — Ламед был частью системы.

Он отложил планшет.

— Его можно было вынуть, не разрушив всю конструкцию.

Я молчал.

— В Конфедерации были институты, элиты, баланс, — продолжал он. — Система могла существовать без него.

— А Питун? — спросил я.

Беер посмотрел на меня внимательно.

— А Питун и есть система. Вся власть, все элиты завязаны на него. Никак не наоборот.

Это прозвучало просто. И от этого — страшнее.

— Убери Ламеда, — сказал он, — и Конфедерация продолжает жить.

— Убери Питуна — и Вейнара взрывается.

— Но технологии... — начал я. — Мы можем обнаружить его. Изолировать. Ликвидировать.

— Можем, — перебил Беер. — Вопрос не в «можем». Он сделал паузу.

— Вопрос в том, что будет потом.

Он встал и подошёл к окну рядом со мной.

— Питун — не просто лидер. Он культ. Символ реванша.

Оправдание для миллионов, — Если он исчезнет внезапно, его место займёт не мир. Его место займёт миф.

— Мученик, — тихо сказал я.

— Именно, — кивнул Беер. — И тогда у нас будет не один Питун, а десятки. Хуже. Глупее. Неконтролируемое.

Я сжал кулаки.

— Значит, мы просто смотрим, как он жжёт соседние страны?

— Нет, — сказал Беер. — Мы ограничиваем ущерб. Мы держим границы. Мы не даём ему перейти следующую черту.

— А если перейдёт? — спросил я.

Беер повернулся ко мне.

— Тогда у нас не останется выбора.

Он сказал это тихо. Без угрозы.

— Но до этого момента мы не имеем права становиться богами, карающими неугодных правителей.

— Даже если они убивают тысячи? — спросил я.

— Особенно тогда, — жёстко сказал он. — Потому что в этот момент мы перестаём быть теми, кем считаем себя.

Я отвёл взгляд.

Он вернулся к столу.

— И ещё одно, Тан. Питун знает достаточно, чтобы быть опасным. Но недостаточно, чтобы понимать пределы.

— Поэтому вы не хотите, чтобы он понял больше, — сказал я.

— Именно, — кивнул Беер. — И именно поэтому у нас есть люди в его спецслужбах. Люди, которые заметят, когда он сделает следующий шаг.

— И доложат тебе, — сказал я.

— Мне, — подтвердил он. — А значит, и тебе.

— А откуда Питун знает о прогрессорах?

Беер не стал тянуть.

— В те годы Питун ещё не был президентом, — продолжил Беер. — Он возглавлял службу безопасности Вейнары. И вёл себя соответственно.

Он сделал паузу.

— Кабинет Бэра Ярдана считался защищённым. Формально.

Но Питун не доверял формальностям. Он доверял только тому, что мог контролировать сам.

Я нахмурился.

— Ты хочешь сказать...

— Да, — перебил он. — Он поставил в кабинете президента скрытые камеру. Со звуком. Несколько. На всякий случай. Он перестраховщик. Как и я.

— Ярдан знал? — спросил я.

— Нет, — сказал Беер. — Он был реформатором. Не спецслужбистом.

Он усмехнулся.

— И он любил выпить.

Беер положил на стол планшет.

— Запись считалась утраченной, — продолжил он. — Питун хранил её в личном архиве. Не в общем хранилище, не в служебных массивах. Как страховку.

Я посмотрел на планшет.

— И вы его... взломали?

— Не совсем, — сказал Беер. — Как я говорил, у нас есть люди в его системе.

Он не стал уточнять. И я не стал спрашивать.

— Один из них давно следит за внутренними архивами, — продолжил он. — И недавно заметил обращение к старому, давно не используемому хранилищу.

Запись открывали. Пересматривали. Не один раз.

Я выдохнул.

— Значит, Питун возвращался к этому разговору.

— Да, — подтвердил Беер. — А потом наш человек скопировал файл и передал его мне.

Он посмотрел на меня.

— Вчера.

Он коснулся экрана.

— Думаю, тебе стоит это увидеть.

Экран ожил.

Сначала — помехи. Шум. Затем картинка стабилизовалась.

Кабинет. Старый, тяжёлый, ещё имперский. Большой стол. На нём бутылка, стаканы.

Бэр Ярден сидел в кресле, заметно расслабленный. Напротив — Питун. Моложе. Молчаливее. Почти незаметный.

— Ты думаешь, всё это просто так? — говорил Бэр, глядя куда-то в сторону. — Империя просто так взяла и развалилась. История, понимаешь?

Я невольно подался вперёд.

— Я тоже так думал, — продолжал Бэр. — Пока не поговорил с ним.

— С кем? — спросил Питун. Спокойно. Почти равнодушно.

— С тем самым, — махнул рукой Бэр. — С бывшим Императором. Старик уже. Больной. Сидит в своей резиденции под домашним арестом, как музейный экспонат. И знаешь, что страшно?

Он усмехнулся.

— Знаешь, что страшно? Он не злился. Он боялся.

Питун слегка наклонил голову. Я заметил это движение — слишком внимательное, чтобы быть случайным.

— Он сказал, — продолжал Бэр, — что есть силы, которые не нуждаются ни в армиях, ни во флагах. Они, понимаешь, пришли оттуда.

Президент показал пальцем наверх.

— И что если бы мы пошли дальше, нас бы просто... вычеркнули.

Наступила пауза.

— Вы верите ему, господин Президент? — спросил Питун.

— Я верю страху, — сказал Бэр и сделал глоток. — Он не умеет врать.

Запись оборвалась. Экран потемнел. Я несколько секунд молчал.

— Значит, — сказал я наконец, — Питун не просто услышал это.

— Он сохранил. И возвращался.

— Да, — сказал Беер. — И именно поэтому он действует так осторожно.

— Он не знает, *кто* мы. Но он знает, *что* мы существуем. Я посмотрел на тёмный экран.

— И он считает, что эта запись — его страховка.

Беер покачал головой.

— Это его главная ошибка, Тан.

— Он думает, что знание даёт контроль.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— А на самом деле оно даёт только страх. И ответственность.

— Питун знает от Ярдена, Ярден от бывшего Императора... А он откуда узнал?

— Мы сами когда-то сказали, — пожал плечами Беер. —

После революции на Гибборе мы открылись главам обеих сверхдержав и велели держаться им подальше от Гиббормы, предупредив, что в противном случае мы способны просто испепелить их.

— А почему не сказали лично Ярдену?

— Когда Империя распалась, мы считали Вейнару обычным региональным государством. Мы не считали её опасной — вот и не сообщили президенту. Сейчас похоже, что зря не считали опасной.

Я отвёл взгляд.

Есть ещё одна вещь. Кто-то использовал прогрессорские технологии с Терры, Земли-1. Именно терранский робот атаковал сектор С-17. Но я решил пока не рассказывать об этом знании Бееру. Кто-то использовал технологии терранов против меня. До этого я докопаюсь сам.

— Питун всю жизнь пытался доказать, что принадлежит к древнему роду, — продолжил Беер.

— И принадлежит?

Беер пожал плечами:

— А какая разница? Политика вообще редко начинается с правды.

Беер взял со стола глобус, крутанул его и вдруг усмехнулся.

— Знаешь, что меня больше всего забавляет в нынешней Конфедерации Социалистических Республик?

— Что? — спросил я.

Он покосился на меня.

— Там мало того что капитализм... — он сделал паузу.

— Так ещё и под руководством коммунистической партии.
Я не удержался и фыркнул.

— Парадокс.

— Историческая ирония, — сказал Беер.

— Если серьёзно... это гибридный режим. Очень своеобразный. Но довольно устойчивый. Они приблизились к демократии и к технократии гораздо сильнее, чем кто-либо ожидал.

Я молчал.

— И самое интересное, — продолжил он, — это произошло не через революции и восстания. Не через разрушение системы. А через реформы.

Он поднял палец, словно читая лекцию.

— Их начал генсек Мик Гаарб. Ты знаешь эту историю.

— «Социализм с человеческим лицом», — сказал я.

— Именно.

Беер кивнул.

— А теперь эту линию продолжает канцлер Бен Назар. Экономика — рыночная. Социальная политика — социал-демократическая. Партия всё ещё у власти, но уже не все-
сильна. И, что удивительно, система работает.

Он на секунду задумался.

— Это довольно редкий исторический случай.

Я посмотрел на него.

— Ты хочешь сказать, что революции — ошибка?

Беер поднял на меня глаза.

— Я хочу сказать, что история любит иронию.

Он откинулся в кресле.

— Твой отец, Тан... Эл Гоар... устроил революцию в Гибборе.

Я ничего не сказал.

— Эта революция стала прецедентом, — продолжил Беер.

— Провинции Империи увидели, что центральную власть можно свергнуть. И начали делать то же самое.

Он слегка постучал пальцами по столу.

— Империя развалилась.

Я медленно кивнул.

— А из этого хаоса появился Питун.

Беер слегка усмехнулся.

— Забавный поворот истории. Если бы не революция Гибборы... возможно, Империя тоже бы начала реформироваться. Постепенно. Как Конфедерация.

Он нахмурился.

— И тогда Питун, скорее всего, остался бы обычным офицером государственной безопасности.

Я поднял взгляд.

— Он ведь был шпионом?

— Да.

Беер кивнул.

— Родился в 1955 году. Сделал карьеру в имперской раз-

ведке. Работал в Конфедерации под прикрытием — довольно долго.

Он говорил спокойно, будто пересказывал досье.

— После распада Империи вернулся в Вейнару.

Я слушал.

— В девяностые он возглавил службу безопасности Вейнары. Там он быстро набрал влияние. В 1999 году президент Бэр Ярден подал в отставку. В телевизионном обращении он назвал Питуна своим преемником.

Он усмехнулся.

— На выборах Питун победил в первом туре.

— Сколько? — спросил я.

— Пятьдесят восемь процентов.

Я некоторое время смотрел на него.

— Но Бэр Ярден был реформатором, — сказал я. — А Питун...

— ...порождение старой системы, — спокойно закончил Беер.

Он слегка усмехнулся.

— Да. История любит такие шутки.

Я ждал продолжения.

Беер немного помолчал, потом сказал:

— Ты, конечно, хочешь спросить, почему реформатор вдруг назвал своим преемником человека из госбезопасности.

— Именно.

Он пожал плечами.

— Версий несколько. Самая простая, — сказал Беер. — Шантаж.

Он постучал пальцами по столу.

— Питун всю жизнь работал в службах. Люди его профессии редко остаются без компромата. Особенно в девяностые, когда архивы старой Империи начали всплывать один за другим.

Он посмотрел на меня.

— Возможно, у него были документы. Или записи. Или люди, готовые подтвердить неприятные вещи.

— На президента?

— На любого человека в политике, — спокойно сказал Беер.

— Есть и более прозаическое объяснение, — продолжил он. — Ярден мог считать Питуна компромиссной фигурой.

— Компромисс между кем?

— Между реформаторами и силовиками.

Он снова повернул глобус.

— В девяностые Вейнара была очень нестабильной. Экономика падала. Армия злилась. Службы безопасности боялись потерять власть.

Беер посмотрел на меня.

— Иногда реформаторы выбирают силовика, чтобы система не развалилась окончательно.

Он слегка усмехнулся.

— Есть ещё одна версия. Самая банальная.

— Какая?

— Ярден просто ошибся.

Я поднял бровь.

— Он мог считать Питуна прагматиком. Человеком системы, который будет сохранять стабильность.

Беер развёл руками.

— В истории такие ошибки случаются регулярно.

Он некоторое время молчал, потом добавил:

— И есть ещё один мотив.

— Какой?

— Страх.

Я ждал.

— После распада Империи многие люди боялись, что всё закончится гражданской войной. В таких ситуациях политики часто делают странные выборы.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Иногда людям кажется, что жёсткий человек лучше, чем неизвестность.

Беер снова повернул глобус.

— Какую из этих версий считаю правильной я?

— И какую? — спросил я.

Он чуть улыбнулся.

— Возможно, все сразу.

Беер некоторое время молчал, глядя на медленно вращающийся глобус.

— Есть ещё одна версия, — сказал он наконец.

— Какая?

Он усмехнулся.

— Самая опасная.

Я ждал.

— Ярден мог считать Питуна управляемым.

Я нахмурился.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Питун был человеком системы. Силовик. Бюрократ. Исполнитель. Люди такого типа редко выглядят харизматичными лидерами.

Он слегка постучал пальцами по столу.

— Ярден мог думать: поставим его президентом, а реальная политика останется в руках старой команды.

— Марионетка, — сказал я.

— Скорее инструмент, — поправил Беер.

Он снова повернул глобус.

— Такие ошибки политики совершают постоянно. Им кажется, что человек без собственной политической базы будет зависеть от тех, кто привёл его к власти.

Я молчал. Беер посмотрел на меня.

— Иногда так и происходит.

Он сделал паузу.

— А иногда этот человек оказывается гораздо умнее и гораздо холоднее, чем все думали.

— И тогда? — спросил я.

— Тогда инструмент становится хозяином.

Он на секунду задумался.

— Думаю, именно это и произошло с Питуном.

Я посмотрел на медленно вращающийся глобус.

— Значит, революция Гибборы всё-таки не единственная причина?

Беер покачал головой.

— В истории почти никогда не бывает одной причины, Тан.

Он остановил глобус.

— Но иногда одно событие открывает дверь.

И после этого через неё начинает входить всё остальное.

Он поднял на меня взгляд.

— Твой отец открыл такую дверь.

Я кивнул.

— Но когда такая дверь открыта, прошлое может нанести очередной ответный удар.

Глава 6

Большую часть детства и юности я провёл на Терре.

Там я носил имя Эйтан Адмони — так меня звали в школе, в документах, в списках. Полное имя, фамилия отца, Земля XXV века. Чистое небо, аккуратные города, ощущение, что мир в целом разобрался со своими проблемами, пусть и не со всеми.

Терра была удобной. Слишком удобной, чтобы считать её

единственным домом.

Каждые школьные каникулы я проводил на Араде — в Гибборе. Из-за несовпадения времён года это всегда выглядело странно даже по межпланетным меркам: когда на Terre начиналось лето, на Араде была весна. Я уезжал из жары — в прохладу, из стабильности — в движение.

Именно тогда появилось второе имя.

Когда родители оформляли мне документы Арада, имя пришлось адаптировать. Это была обычная практика для прогрессоров: внедрение начиналось с мелочей. Имя должно было звучать естественно для среды, не цеплять слух, не требовать объяснений. На Араде имена были короче — их сокращали почти автоматически.

Элазар, мой отец, стал Элом.

Со мной сделали то же самое. Эйтан был слишком терранским, слишком полным. Никто не стал придумывать новое имя — его просто сократили.

Тан.

Коротко. Удобно. Без лишних ассоциаций.

Сначала это было техническое решение — ещё одна маска для мира, где мы жили по другим правилам. Но имя быстро прижилось. На Араде меня знали только так, и я сам начал чувствовать разницу.

Эйтан — это Терра. Свет, порядок, будущее, где многое уже решено.

Тан — это Арад. Весна вместо лета. Неустойчивость. Вы-

борь, которые ещё можно сделать.

Там же закрепились и фамилия — Гоар. Под ней жил отец на Араде. Элазар Адмони в одном мире, Эл Гоар — в другом. Мне не нужно было выбирать сразу. Я просто позволял каждому имени жить там, где оно было уместно.

На Терре я окончил хайфский Технион.

Это было правильно. Академично. Качественно. Без неожиданностей. Образование будущего, где преподаватели не притворяются, что всё знают больше студентов, а студенты не притворяются, если им всё равно. Я получил всё, что должен был получить.

После этого я поехал в Гиббору — в технологический институт. Не учиться. Сдавать экзамены.

Формальное образование Арада требовало подтверждения, и я его получил. С моими знаниями уровня XXV века это были семечки — скажу не из высокомерия, а из-за разницы эпох. Там я не узнавал нового, но учился говорить на языке мира, в котором собирался жить.

Именно там я познакомился с Зивом Корэном.

Он был младше меня на два года и ровесником по учебным курсам. Умный, рациональный, без провинциального восторга перед технологиями. Мы быстро сошлись — не на знаниях, а на вопросах. Он умел сомневаться правильно, не превращая сомнение в позу.

Это оказалось редким качеством.

Когда я повзрослел, выбор стал очевидным — и не дра-

матичным, а логическим.

Первый вариант — Терра. Родной мир отца.

Безопасность. Стабильность. Перспектива стать одним из миллионов умных, образованных, в целом счастливых людей. Не хуже других. Но и не нужнее.

Второй — Арад. Родной мир матери.

Мир, где мои знания значили больше. Где технологии будущего превращали меня не в бога, но в фактор. В техно-мажора — если угодно, в местного Тони Старка, только без костюма и с реальными последствиями.

Я выбрал второе. Не потому, что хотел власти. А потому, что хотел разницы. На Терре я был бы вариантом нормы. На Араде — исключением. И тогда мне казалось, что быть исключением — это привилегия. Позже я понял: это ещё и ответственность, которую нельзя делегировать ни одной планете.

С восемнадцати лет у меня активировался заложенный нанотехнологиями процесс замедленного старения. Теперь я старел в два с половиной-три раза медленнее, чем люди без наноаугментаций. Но понял, что среди людей не прошедших аугментации, буду выглядеть неестественно молодым. Поэтому я отключил внешние механизмы замедления старения, оставив лишь внутренние. Внешне возраст надо мной будет властен примерно так же, как и над всеми жителями планеты Арад. Но на уровне организма мой биологический возраст лет на десять младше реального. Правда, механизм

замедления внешнего старения я отключил года в двадцать два. По документам мне тридцать четыре. Лицо слегка не дотягивало, но в пределах приличия. Внутренние органы, если верить медицинскому сканеру, всё ещё принадлежали молодому специалисту лет двадцати пяти. А память временами чувствовала себя старше некоторых министров. Но об этом позже.

Я вернулся к ноутбуку и открыл почту. Ответ пришёл быстрее, чем я ожидал. Не мгновенно — значит, не сидела, уставившись в экран. Уже хорошо. Я открыл письмо.

Тан,

Это приглашение или тест на стрессоустойчивость?

Мара

Я невольно улыбнулся.

Ни приветствия, ни смайликов. И сразу вопрос — не из тех, на которые можно ответить шаблоном.

Я перечитал ещё раз. Не потому, что не понял. Просто хотел поймать интонацию.

Спокойная. Чуть насмешливая. Без попытки понравиться. Я открыл ответ. Потом закрыл. Слишком быстрый ответ — плохая идея. Создает ощущение, что у тебя нет других дел. Что, впрочем, в данный момент было недалеко от истины.

Я откинулся на спинку кресла и на секунду закрыл глаза. Война, ракетные крейсеры, прогрессоры, Питун — и я думаю о том, как правильно ответить на письмо от штатного

психолога.

Логично. Я снова посмотрел на экран. «Непокорённая». Хороший ник.

Либо человек с характером, либо с чувством юмора. В идеале — и то, и другое. Я всё-таки начал печатать.

Скорее проверка на адекватность. Если выживешь — ужин гарантирован.

Тан

Я перечитал. Стер слово «выживешь». Слишком. Написал заново.

Скорее приглашение. Но тест тоже включён в программу.

Тан

Отправил. Пауза. Я не стал закрывать почту. Секунд через тридцать пришёл ответ.

Тогда уточню условия теста. Во сколько?

М.

Я посмотрел на часы.

— Вот это уже интересно, — пробормотал я.

Без отказа. Без паузы «я подумаю». Без попытки перевести в нейтральную вежливость. Прямо. Я быстро написал:

Восемь. «Солнечный берег». Если не передумаешь.

Т.

Ответ пришёл почти сразу.

Не передумаю. Но если ты опоздаешь — тест не пройдёшь.

Мара

Я усмехнулся и закрыл ноутбук. На секунду в комнате стало тихо. Слишком тихо для города, в котором через пару часов могут начать стрелять.

Я потянулся к смартфону. Несколько уведомлений, новости, какие-то цифры потерь, карта Тарагозы, всплывающая поверх всего этого.

Я задержал взгляд на экране. И поймал себя на странной мысли. Иногда мир сужается до одной конкретной точки. Сегодня этой точкой был ресторан «Солнечный берег» в восемь вечера. И это было... неправильно. И очень по-человечески одновременно.

Я открыл новости. Карта Тарагозы висела поверх всего — красные и жёлтые маркеры, линии продвижения, какие-то стрелки, точки, которые ещё вчера казались абстракцией, а сегодня означали чьи-то города.

Бои разворачивались. Пока ещё не масштабные. Разведка, удары по инфраструктуре, попытки прощупать оборону. Но это была уже не угроза войны. Это была война.

Я поймал себя на том, что смотрю на карту дольше, чем нужно.

Раньше Тарагоза была для меня просто одной из стран на Араде. Где-то между Вейнарой и Конфедерацией. Не самая крупная, не самая влиятельная. Упоминалась в новостях, иногда — в экономических сводках. Ничего, за что цепляется память.

Есть страны, о которых знаешь, что они существуют, и на

этом всё. Тарагоза долгое время была именно такой. Теперь — нет.

Я увеличил карту.

Города, названия которых я раньше пролистывал, теперь звучали иначе. Потому что за каждым стояло что-то конкретное — люди, решения, попытки удержать то, что можно удержать.

Вейнара лет двадцать была про контроль. Вертикаль, дисциплина, ощущение, что за каждым решением стоит кто-то выше. Там не задают лишних вопросов — там исполняют.

Тарагоза... была другой. Более открытой. Более шумной. Менее предсказуемой. Там спорят. Там не всегда соглашаются. Там решения принимаются дольше — но и ответственность за них ощущается иначе.

Я не сразу понял, что именно меня зацепило. Наверное, это: Вейнара держится на системе. Тарагоза — на людях. И когда по ней быют, это ощущается не как столкновение армий. А как попытка заставить людей жить по чужим правилам.

Я переключился на ленту. Комментарии под новостями шли сплошным потоком. Часть — ожидаемая. Осуждение, поддержка, попытки разобраться. Но было и другое.

Слишком уверенные формулировки. Слишком одинаковые аргументы. Слишком много людей, которые говорили одно и то же разными словами.

Я задержался на одном комментарии.

Наконец-то наводят порядок. Слишком долго им позволяли слишком много.

Следом — десятки лайков. Под ним — ответ:

Порядок — это когда ты сам решаешь, как тебе жить. А не когда за тебя решают.

Ответ тоже набирал лайки. Я пролистал дальше. Чем глубже — тем хуже. Где-то это были боты. Это было видно — по ритму, по повторяемости, по странной безошибочности формулировок.

Но не везде. Некоторые писали слишком живо, слишком эмоционально, чтобы быть алгоритмами. И это было неприятнее всего.

Я закрыл ленту. Проблема была не в том, что Питун начал войну. Проблема была в том, что в его стране, да и в других странах были люди, которые считали, что он прав. И их становилось больше.

Я снова посмотрел на карту. Красные маркеры медленно двигались вперёд. Пока ещё медленно. Но достаточно, чтобы стало понятно — это только начало.

Я не стал закрывать карту. Сделал меньше масштаб. Та-рагоза сжалась до контура. Красные метки стали точками. Почти аккуратными.

Если смотреть достаточно издалека, война всегда выглядит чище.

Я потянулся к терминалу и открыл технические сводки. Там всё было без эмоций. Координаты. Время. Типы ударов.

Отклонения. Потери — цифрами, без имён.

Так проще. И, наверное, честнее. Первые залпы пришлись по инфраструктуре. Связь. Энергетика. Транспортные узлы. Не потому, что это слабые цели. Потому что это цели, которые ломают систему быстрее всего.

Я машинально отметил точку на карте. Узел связи. Ещё один. И ещё. Почерк был узнаваем. Не импульсивный. Не хаотичный. Системный.

— Он не торопится, — сказал я вслух.

И сам же кивнул.

Питун действовал так, как действуют люди, которые уверены, что время на их стороне. Не рывком. Постепенно. Сначала — лишить противника координации. Потом — возможности отвечать. Потом — выбора.

Я закрыл сводку. Вернулся в сеть. На этот раз не к новостям — в обсуждения. Там было хуже. Информация не просто расходилась. Она распадалась.

Один и тот же эпизод описывался десятками способов.

В одних версиях ударов почти не было. В других — Тарагоза уже «фактически потеряла управление». В третьих — «всё под контролем».

Правда растворялась быстрее, чем распространялась.

Я поймал себя на мысли, что уже не пытаюсь понять, где истина. Я пытался понять, кто говорит. Это было важнее.

Я открыл один из тредов. Комментарий за комментарием. Одинаковая логика. Разные формулировки. Почти незамет-

ные вариации. Слишком аккуратно. Я замедлил прокрутку.

Потом ещё. И остановился. Один из ответов выглядел... иначе. Не потому, что был резче. Наоборот. Он был слишком точным. Без лишних слов. Без эмоций. Без попытки убедить. Как будто автор не спорил. Как будто он фиксировал.

Я перечитал. Один раз. Второй. Третий. Что-то в структуре фразы было знакомым. Я открыл профиль. Пусто. Ни истории. Ни подписок. Ни активности. Слишком пусто. Я уже собирался закрыть вкладку, когда экран на секунду дрогнул. Незаметно. Если бы я моргнул — пропустил бы.

Интерфейс вернулся в норму. Но строка ввода изменилась. В ней уже был текст. Я не печатал.

Ты смотришь правильно. Но задаёшь не тот вопрос.

Я замер. Пальцы зависли над клавиатурой. Через секунду появилось продолжение.

*Ты пытаешься понять, кто из них люди, а кто боты.
Это уже не имеет значения.*

Я не двигался.

Важно другое. Кто управляет структурой разговора.

Я медленно выдохнул.

— Понял, — тихо сказал я.

Ответ появился сразу.

Конечно понял.

Пауза. И последняя строка: *Ты ведь искал меня.*

Я не стал спрашивать, кто это. И так было ясно. Архитектор сделал первый ход.

«Ты пытаешься понять, кто из них люди, а кто боты.

Это уже не имеет значения.» Он действует слишком аккуратно для живого человека. Я на секунду поймал себя на мысли, что не уверен, к какой категории отнести его самого. Но потом я прогнал эту мысль.

Я не ответил. И он больше не писал.

Экран оставался неподвижным. Обычный интерфейс, обычный чат, обычная строка ввода. Как будто ничего не произошло. Я закрыл вкладку. Слишком быстро. Слишком резко. Как будто это могло что-то изменить.

Телефон завибрировал. Уведомление. Я посмотрел. Сводка. Тарагоза. Я открыл. Карта обновилась. Красные маркеры сместились. Немного. Но достаточно, чтобы стало понятно — это не просто обмен ударами. Это продвижение.

Я увеличил масштаб. Один из узлов, который ещё час назад был отмечен как «нестабильный», теперь подсвечивался серым. Связь потеряна. Ещё один — энергетика. Частичное отключение. Третий — транспорт. Нарушен.

Я медленно провёл пальцем по экрану. Слишком аккуратно. Слишком последовательно. Это уже не выглядело как набор отдельных ударов. Это выглядело как схема.

Я на секунду замер. И поймал себя на том, что мысленно пытаюсь... не следить за новостями. А восстановить структуру.

Так, как он сказал.

Я откинулся в кресле.

— Структура решений, — тихо повторил я.

И снова посмотрел на карту. Если убрать детали, остаётся простое. Сначала — связь. Потом — энергия. Потом — транспорт. Сначала — координация. Потом — возможность действовать. Потом — возможность перемещаться.

Я провёл линию между точками. Потом ещё одну. И ещё. Картина сложилась слишком быстро. И это было хуже всего. Потому что это означало, что она была очевидной. Просто я раньше смотрел не туда.

Телефон снова завибрировал. На этот раз — видео. Короткий ролик. Я открыл. Неровная съёмка. Дым. Крики за кадром. Кто-то бежит. Камера дёргается.

Голос:

— Связи нет! Они выбили узел, мы не можем...

Запись обрывается. Я остановил видео. На секунду в комнате стало слишком тихо. И вдруг очень ясно понял, что именно изменилось.

Раньше я смотрел на это как на события. Теперь — как на процесс. Я медленно перевёл взгляд на тёмный экран ноутбука.

— Это ты хотел показать? — тихо спросил я.

Экран не ответил.

Но ощущение, что ответ уже получен, никуда не делось.

Глава 7

Наконец-то дошли руки посмотреть ролик, присланный

Беером. Запись его агентов из правительства Вейнары.

На фоне бело-жёлто-чёрного флага сидел министр обороны — идеально причёсанный, идеально выбритый, но в то же время нервно крутивший в пальцах ручку. Рядом — Питун. Он выглядел непривычно собранным. Даже расслабленным. Слишком расслабленным.

Я машинально увеличил звук.

— Итак, — сказал Питун, — наши силы продолжают успешно выполнять задачи операции?

Министр кивнул.

— Да, господин президент.

Пауза. Короткая. Слишком короткая.

— И... что с флагманским крейсером «Вейна»?

Министр моргнул. На секунду взгляд ушёл куда-то в сторону. Как будто от ответа зависело его будущее.

— Эээ...

Пауза.

— Он утонул.

Тишина. Я даже подумал сначала, что видео зависло. Питун не двигался. Вообще. Только смотрел. Несколько секунд. Потом уголок глаза дёрнулся. Потом второй.

— Что значит... утонул?

Голос был тихим. Даже слишком. Министр сглотнул.

— В результате... внештатной ситуации.

Пауза.

— На борт попали тарагозские ракеты... И произошёл

взрыв.

Питун продолжал смотреть. Не на министра. Сквозь. А потом что-то изменилось. Совсем немного. Человек может годами учиться контролировать лицо. Но есть вещи, которые просачиваются. Челюсть. Взгляд. Плечи. И вот сейчас я впервые увидел не президента. Не символ. Не телевизионный образ. Я увидел человека, который только что понял: мир отказывается подчиняться его сценарию.

Питун медленно поднялся. Очень спокойно. Даже слишком спокойно. Потом взял стакан. И бросил его в стену. Экран дёрнулся. Кто-то вскрикнул за кадром. Трансляция оборвалась.

Я ещё несколько секунд смотрел на тёмный экран. Потом закрыл сайт.

Странное ощущение. Не злорадство. Не удовлетворение. И даже не радость. Крейсер мне не было жалко. Жалко было людей. Даже если они служили Питуну.

Я откинулся в кресле. Раньше я думал, что диктаторы опасны, когда кричат. С возрастом понял: наоборот. Опаснее всего они тогда, когда перестают. Когда человек орёт — он выпускает пар. Когда молчит — начинает думать. Я вспомнил лицо Питуна. Не крик. Не стакан. Момент до этого. Секунду. Ту самую.

Когда он ещё не разозлился. Когда он пытался понять невозможную для себя вещь. Что мир не обязан подчиняться его воле. Я вздохнул. Проблема была не в том, что он устро-

ил истерику.

Проблема была в другом. Я почти не сомневался, что прямо сейчас кто-то в Вейнаре уже ищет виноватых.

Не тех, кто ошибся. И не тех, кто действительно виноват. А тех, кого удобно назначить. Я знал этот тип мышления. Если реальность не совпадает с картиной мира — тем хуже для реальности.

Телефон снова пискнул. Новая сводка. Я даже не удивился. Открыл. Вейнара. Несколько адмиралов. Два чиновника. Один инженер. Отстранены. Я молча посмотрел на экран.

Потом тихо сказал:

— Ага. Началось.

Сообщение от Беера пришло через сорок минут после ролика с Питуном. Без приветствия. Без обычной иронии. Без попытки сделать вид, что мир ещё держится на приличиях.

«Подтверждено. Это не авария».

Я перечитал строку дважды, хотя смысла в этом не было. Буквы не менялись. Люди вообще странно устроены: если несколько раз посмотреть на плохую новость, она почему-то не превращается в хорошую. Программное обеспечение реальности, как обычно, писали идиоты.

Ниже шёл файл.

Я открыл его не сразу. Сначала поставил чашку на стол. Очень аккуратно. Слишком аккуратно. Так ставят чашку люди, которые боятся, что если позволят себе хоть одно резкое движение, то следующее будет уже не движением, а срывом.

Мара сидела напротив. Она не спрашивала. И это было хуже.

Если бы спросила, можно было бы ответить автоматически. Солгать. Уйти в технические детали. Сказать: «рабочее», «ничего срочного», «потом расскажу». Набор стандартных фраз для людей, которые считают, что контроль над словами равен контролю над ситуацией. Удобная иллюзия. Почти такая же прочная, как бумажный щит против арбалетного болта.

Я открыл файл.

На экране появилась схема перемещений отца за последние сутки перед исчезновением. Не полная. Полной быть не могло: Эл Гоар слишком хорошо умел исчезать даже из систем, которые сам когда-то помогал строить. Но в этом и была проблема.

Если человек исчезает случайно, остаются следы хаоса. Если человек исчезает профессионально, остаются следы порядка. А здесь было именно это. Слишком чистый разрыв. Слишком аккуратная пустота.

Последний подтверждённый сигнал личного маяка отца пришёл в 03:17. Не из столицы. Не из Тарагозы. Не с одного из известных узлов Ордена. Не с маршрута, который мог бы хоть как-то объясняться войной, Питуном, эвакуацией, переговорами или очередной гениальной отцовской идеей сделать невозможное до завтрака.

Координаты лежали в серой зоне на северо-востоке ост-

рова. На официальных картах там не было ничего. Не «военная база». Не «заповедник». Не «закрытый промышленный объект». Не «зона археологических работ». Даже не старое доброе «ошибка картографирования», за которой обычно прячут всё подряд, от секретных лабораторий до банального склада, где чиновники украли половину бюджета.

Там было просто пустое место. Скалы. Сухая равнина. Пара сезонных русел. И никаких ретрансляторов. Но сигнал был.

Я увеличил карту. Потом ещё. Потом включил слой спутниковой съёмки. Потом инфракрасный. Потом архивный слой за последние пять лет.

Ничего. Слишком ровное ничего.

— Тан, — сказала Мара.

Я не ответил. На экране мигала последняя точка. Маленький синий огонёк посреди пустоты. Смешно. Всю жизнь отец казался мне человеком, который сам рисует карты. А теперь от него осталась точка на чужой карте.

Я пролистал ниже. Беер приложил заключение аналитиков ГСБ. Краткое, сухое, почти милосердное.

«Версия аварии исключена. Версия случайного отказа оборудования исключена. Версия самостоятельного ухода объекта без внешнего воздействия маловероятна. Характер разрыва связи указывает на направленное подавление или перенос в среду, не поддерживающую стандартные каналы отслеживания».

Объект. Я усмехнулся. Отец. Эл Гоар. Элазар Адмони. Человек, который однажды изменил историю целой страны, превратился в служебной сводке в объект. Бюрократия побеждает всех. Даже прогрессоров. Особенно прогрессоров.

Внизу было сообщение самого Беера.

«Тан, теперь это не поиск пропавшего человека. Это инцидент. Не предпринимай самостоятельных действий».

Я почти услышал его голос. Усталый, хриловатый, с тем самым оттенком человека, который слишком много лет объясняет взрослым людям очевидные вещи и каждый раз почему-то проигрывает.

Я закрыл файл. Потом снова открыл. Видимо, человеческий мозг всё-таки верит в чудеса интерфейса. Нажмёшь ещё раз — и отец окажется живым, где-нибудь в безопасном месте, злой, занятый и недовольный тем, что его отвлекают.

Ничего не изменилось.

— Это про твоего отца, — сказала Мара.

Не вопрос.

Я поднял на неё глаза.

— Рабочее.

Она посмотрела на меня так, как психологи, наверное, смотрят на пациентов, которые врут плохо, но с чувством собственного достоинства. Впрочем, большинство людей врут именно так. Человечество построило цивилизацию на неумении честно сказать: «мне страшно».

— Это была плохая попытка, — сказала она.

— Чего?

— Сказать «рабочее» так, чтобы я поверила.

Я хотел улыбнуться. Не получилось.

— Мара, есть вещи, которые...

— Которые мне лучше не знать, — закончила она. — Да.

Я уже слышала. В разных вариантах. Иногда у тебя меняется интонация. Смысл — нет.

Я медленно убрал коммуникатор со стола. Поздно. Она уже всё поняла. Не детали. Детали ей пока были недоступны. Но детали часто переоценивают. Достаточно увидеть лицо человека в момент, когда он читает сообщение, и ты уже знаешь главное.

— Это опасно, — сказал я.

— Что именно?

— Всё.

— Удобное слово.

— Точное.

— Нет, — она покачала головой. — Удобное. В него можно спрятать что угодно. Войну. Отца. Меня. Себя. Особенно себя.

Я молчал.

За окном город продолжал делать вид, что живёт обычной жизнью. Машины ехали по улицам. Где-то внизу смеялись люди. На соседнем здании мигала реклама доставки еды. В мире, где пропадают прогрессоры, тонут крейсера и диктаторы бросают стаканы в стены, кто-то всё равно хочет горя-

чую лапшу за двадцать минут. В этом, возможно, и заключалась главная надежда цивилизации. Или её приговор.

— Ты думаешь, я хочу вытащить из тебя секреты, — сказала Мара. — Нет. Пока нет. Я хочу понять, где ты уже солгал.

— Я не...

— Не начинай.

Она сказала это спокойно. Без злости. И именно поэтому я замолчал.

— Ты солгал мне не про то, что умеешь исчезать и появляться там, где обычный человек появиться не может, — продолжила она.

Я почувствовал, как внутри всё стало очень тихо. Мара заметила. Конечно заметила.

— Да, Тан. Я не идиотка. Я могу не знать, как это работает. Но я помню, что видела. И помню, что после этого у меня в памяти была дыра, которую ты очень хотел назвать усталостью.

Я ничего не сказал.

Потому что любое слово сейчас было бы либо признанием, либо новой ложью. А я вдруг понял, что устал выбирать между двумя плохими вариантами. Редкое чувство. Почти роскошь.

— Но это не первая ложь, — сказала Мара. — Первая была раньше.

— И какая же?

Голос прозвучал резче, чем я хотел.

Она не отступила.

— Ты сделал вид, что всё началось как флирт.

Я посмотрел на неё.

— А разве нет?

— Частично. Поэтому ложь и сработала. Самая прочная ложь всегда стоит на куске правды. Ты действительно хотел меня увидеть. Ты действительно хотел ужин. Ты действительно не был равнодушен. Но ты позвал меня не только поэтому.

Я усмехнулся.

— Психологический разбор свидания. Новая услуга штатного психолога?

— Не прячься за шутками.

Я замолчал.

— Ты выбирал, кому можно доверять, — сказала она. — Не как женщине. Не как сотруднице. Как человеку вне твоей системы. Вне твоего отца, вне Беера, вне этой вашей невидимой войны, о которой нельзя говорить. Ты искал не свидание. Ты искал точку опоры.

Вот теперь она попала. Не в броню. Под неё.

Я встал и подошёл к окну. Это был плохой ход. Слишком театральный. Люди всегда подходят к окну, когда не знают, куда девать лицо. Архитектура веками помогала нам красиво избегать разговоров.

— Возможно, — сказал я.

— Возможно?

— Да.

— Это тоже ложь.

Я закрыл глаза.

Передо мной снова возникла синяя точка на карте. Последний сигнал. Пустая зона. Отец, который мог исчезнуть сам, но не так. Не с таким разрывом. Не оставив после себя пустоту, похожую на аккуратно вырезанный кусок мира.

— Я не хотел втягивать тебя, — сказал я.

— Неправда.

Я обернулся.

Мара сидела всё так же спокойно, но теперь в её спокойствии было напряжение. Не страх. Решение.

— Ты как раз хотел втянуть меня, — сказала она. — Только так, чтобы самому себе это не признать. Чтобы потом сказать: обстоятельства сложились. Опасность пришла сама. Я был вынужден. Очень удобная конструкция. Ответственность вроде бы есть, но виноват мир.

Я хотел возразить. Не смог. Самое неприятное в честных людях не то, что они правы. А то, что они правы вслух.

— Ты не понимаешь масштаб, — сказал я наконец.

— Конечно, не понимаю. Ты же сделал всё, чтобы я не понимала.

— Потому что понимание убивает.

— Иногда. А иногда убивает неведение.

— В твоём случае...

— Не решай за меня, Тан.

Она сказала это тихо, но в комнате стало холоднее.

Я снова сел напротив неё. Между нами стоял стол. На столе — чашка, выключенный коммуникатор и та самая невидимая линия, которую я сам провёл, а теперь удивлялся, что она мешает.

— Мой отец исчез, — сказал я.

Мара не перебила.

— Теперь это подтверждено. Это не авария. Не сбой. Не случайность. Его последний сигнал пришёл из места, где официально ничего нет. Вообще ничего. Но сигнал оттуда был. Значит, там есть что-то, чего не должно быть. Или кто-то, кто очень хорошо умеет заставлять мир делать вид, что его нет.

Я ожидал вопросов.

Кто твой отец на самом деле? Что значит «официально ничего»? Почему ты говоришь так, будто карта может лгать? Почему ты не сообщаем в жандармерию? Почему я до сих пор сижу здесь?

Мара спросила другое.

— Ты собираешься туда идти?

Я посмотрел на неё. Слишком быстро. Она кивнула, будто получила ответ.

— Вот.

— Что «вот»?

— Вот почему ты хотел, чтобы я была рядом. Не потому,

что тебе нужна помощь. Не потому, что ты собирался всё рассказать. А потому, что какая-то часть тебя надеялась: если рядом окажется живой человек, ты не сорвёшься и не побежишь туда один.

Я хотел сказать, что это глупость. Но это была не глупость. Это было хуже. Это была правда, которую я не успел сформулировать раньше неё.

— Я не могу сидеть и ждать, — сказал я.

— Можешь. Тебе просто больно.

— Это не одно и то же.

— Для тебя сейчас почти одно.

Я сжал пальцы правой руки. Протез отозвался идеально. Без дрожи. Без боли. Прекрасная машина. Иногда я завидовал собственному металлу: он не помнил того, чего не должен был помнить.

— Беер сказал не предпринимать самостоятельных действий, — сказал я.

— И ты, конечно, всегда слушаешь Беера.

— Нет.

— Вот именно.

Мы оба замолчали. За окном по-прежнему мигала реклама лапши. Наглая, бессмысленная, бессмертная.

— Тогда так, — сказала Мара. — Если ты хочешь, чтобы я ушла — скажи. Не «тебе опасно», не «тебе лучше не знать», не «я должен тебя защитить». Просто скажи: «Мара, уходи, я не хочу, чтобы ты была частью моей жизни». Это будет

честно.

Я молчал.

— Если не хочешь, чтобы я ушла, — продолжила она, — тогда новые правила.

— Правила?

— Да. Люди иногда используют правила, когда не умеют доверять. Ужасно примитивная технология, но работает.

Я почти улыбнулся. Почти.

— Первое, — сказала она. — Ты не трогаешь мою память. Никогда. Даже если тебе кажется, что так лучше.

Я отвёл взгляд.

— Тан.

— Хорошо.

— Не «хорошо» таким голосом, будто ты подписываешь заведомо невыполнимый договор.

— Я постараюсь.

— Нет. Не стараешься. Обещаешь.

Я долго смотрел на неё. Потом кивнул.

— Обещаю.

Слово вышло тяжёлым. Как предмет, который нельзя вернуть обратно.

— Второе, — сказала Мара. — Если ты не можешь сказать мне факт, говори хотя бы границу. «Это опасно», «это не моё право рассказывать», «если я скажу, пострадают люди». Но не подменяй это заботой обо мне. Я сама решу, что делать со своей жизнью.

— Ты просишь невозможного.

— Нет. Я прошу не обращаться со мной как с ребёнком.

Я устало выдохнул.

— Третье?

— Третье: если ты всё-таки соберёшься делать глупость, я должна узнать об этом до того, как ты её сделаешь.

— Чтобы остановить?

— Возможно. Или чтобы хотя бы понимать, в какую именно катастрофу ты полез. Раз уж мне выпала честь наблюдать, как гениальные мужчины спасают мир методом самоуничтожения.

— Это был выпад против меня или против моего отца?

— Да.

Я всё-таки улыбнулся. На секунду. И этой секунды оказалось достаточно, чтобы комната перестала быть только комнатой, где мне сообщили, что отец исчез не случайно. Не стала безопасной. Не стала нормальной.

Но в ней появился ещё один человек, который смотрел на меня не как на наследника Эла Гоара, не как на владельца слишком опасных технологий, не как на проблему ГСБ и не как на потенциальный труп в следующей сводке.

Как на Тана. Это было не легче. Просто иначе.

Я включил коммуникатор и снова открыл карту. Синяя точка горела в пустом секторе.

— Я не могу рассказать тебе всё, — сказал я.

— Я уже поняла.

— И не могу обещать, что рядом со мной будет безопасно.

— Я не просила продавать мне туристический пакет.

— Но могу обещать, что больше не буду делать вид, будто всё это не касается тебя, если оно уже касается.

Мара некоторое время смотрела на карту.

— Где это?

— Место, которого нет.

— Очень содержательно.

— На официальных картах там пусто.

— А на неофициальных?

— На тех, к которым у меня есть доступ, тоже.

— Значит, тебе нужен доступ к тем, которых у тебя нет.

Я посмотрел на неё.

— Ты понимаешь, что сейчас сказала?

— Да. Что ты не должен идти туда вслепую. И что если твой отец исчез в месте, которого нет, сначала надо выяснить, кто заинтересован в том, чтобы это место оставалось отсутствующим.

Я медленно кивнул. Она была права. Разумеется, была права. Очень раздражающее качество для человека, с которым у тебя только что должно было быть свидание.

Я отправил Бееру короткое сообщение:

«Координаты получил. Сам не выдвигаюсь. Нужны архивные карты, старые слои, любые упоминания до зачистки данных».

Палец завис над отправкой.

Потом я добавил:

«И список тех, кто знал, что мой отец мог искать это место».

Отправил.

Ответ пришёл почти сразу.

«Наконец-то ты начал думать головой. Неприятно удивлён».

Я показал сообщение Маре.

Она прочитала и подняла бровь.

— Он всегда такой милый?

— Это у него почти признание в любви.

— У вас очень странный круг общения.

— Ты даже не представляешь.

— Начинаю.

Я выключил экран.

Флирт не исчез. Он просто стал чем-то другим. Острее. Осторожнее. Опаснее. Между нами больше не было лёгкой игры, где можно прятаться за шутками и недосказанностью.

Теперь была карта. Пропавший отец. Место, которого нет. И женщина напротив, которая только что запретила мне спасать её против её воли.

Отношения иногда развиваются странно. У нормальных людей: ужин, прогулка, первый поцелуй. У нас: исчезновение прогрессора, секретная зона и договор о неприкосновенности памяти. Впрочем, нормальные люди давно вызывали у меня подозрение.

Глава 8

Она осталась.

Не так остаются гости после ужина, когда уже поздно вызывать такси и все делают вид, что это случайность. Не так остаются люди, которым неловко уйти. И уж точно не так остаются те, кого только что втянули в чужую войну, чужие тайны и чужую семейную катастрофу.

Мара просто взяла чашку, которую я ей поставил, сделала глоток и снова посмотрела на карту. Синяя точка всё так же горела в пустом секторе. Отец исчез в месте, которого не было.

Формулировка звучала глупо. Почти поэтично. А в реальности такие формулировки обычно означали либо очень старую ложь, либо очень новую смерть.

— Ты собираешься сидеть и смотреть на неё до утра? — спросила Мара.

— На точку?

— На карту. На точку. На собственное чувство вины. Можешь выбрать, что тебе ближе.

Я устало усмехнулся.

— Ты быстро освоилась.

— У меня хорошие адаптивные способности.

— Это из резюме?

— Нет. Из жизни.

Она сказала это спокойно, без нажима, но я всё равно

услышал за словами что-то ещё. Люди редко говорят «из жизни», когда жизнь обращалась с ними особенно вежливо. Обычно это значит, что жизнь уже успела подойти со спины и проверить, насколько крепко ты стоишь.

Я закрыл один из слоёв карты. Потом второй. На экране осталась только базовая спутниковая съёмка: равнина, скалы, сухие русла, пустота. Слишком аккуратная, слишком чистая пустота. Я увеличил масштаб, хотя уже делал это раз двадцать.

Ничего. Разумеется, ничего. Интерфейс не становился честнее от моего упрямства.

— Тан, — сказала Мара.

— Что?

— Ты сейчас не ищешь. Ты наказываешь себя.

Я медленно повернулся к ней.

— Это звучит как диагноз.

— Это наблюдение. Диагнозы я ставлю за деньги.

— Хорошо устроилась.

— Стараюсь.

Она поставила чашку на стол. Аккуратно, без стука. Я машинально отметил это движение и тут же поймал себя на том, что снова анализирую человека рядом, будто она часть ситуации, которую нужно просчитать.

Мара заметила. Конечно, заметила.

— Не надо, — сказала она.

— Что именно?

— Смотреть на меня так, будто пытаешься понять, какую угрозу я представляю.

Я отвёл взгляд.

— Привычка.

— Плохая.

— Знаю.

— Нет, — сказала она. — Ты знаешь, что она неудобная. Это не одно и то же.

Я хотел возразить. Не стал.

Усталость странным образом делала честность легче. Не потому, что хотелось говорить правду, а потому, что на ложь требовалось слишком много сил. Ложь вообще очень энергозатратная штука. Особенно если хочешь, чтобы она выглядела как забота, долг или стратегическая необходимость.

Я закрыл карту.

Комната сразу стала темнее. Без синей точки, без слоёв, без координат. Только мягкий свет настольной лампы, стекло окна, далёкие огни города и женщина напротив, которая за последние двое суток успела увидеть слишком много, чтобы вернуться к обычной жизни, но слишком мало, чтобы понять, насколько это опасно.

— Тебе правда лучше уехать, — сказал я.

Мара посмотрела на меня без удивления. Даже с лёгкой усталостью.

— Мы это уже проходили.

— Сейчас другое.

— Конечно. Теперь ты говоришь это после того, как обещал не решать за меня. Прогресс налицо.

— Мара...

— Нет, Тан. Если хочешь, чтобы я ушла, скажи честно: «Мара, уходи, я не хочу, чтобы ты была здесь». Без «опасно», без «так лучше», без «я должен тебя защитить».

Я молчал. Сказать это оказалось невозможно. Не потому, что я не мог произнести слова. Слова вообще дешёвый материал. Из них строят клятвы, оправдания, рекламные слоганы и предвыборные программы. Слова выдерживают почти всё.

Не выдерживал я.

Мара встала. Я напрягся раньше, чем понял зачем. Но она не пошла к двери. Просто подошла к окну и встала рядом со мной.

Некоторое время мы смотрели на город.

Гиббора ночью казалась почти нереальной. Ровные линии дорог, световые полосы транспорта, небоскрёбы, зелёные крыши, беспилотники доставки, рекламные экраны. Мир, который очень старался выглядеть так, будто всё под контролем.

Я хорошо знал цену этому виду. Любая цивилизация выглядит устойчивой, пока не приблизишь масштаб.

— Ты всё время говоришь о безопасности, — сказала Мара. — Но, кажется, сам давно нигде не чувствуешь себя в безопасности.

— В моей жизни были причины.

— Я поняла.

— Не думаю.

— Не всё, — согласилась она. — Но достаточно, чтобы не принимать твои отговорки за заботу.

Я посмотрел на её отражение в стекле. В темноте оно казалось чуть прозрачным, будто город пытался забрать её себе, вписать в огни, линии, маршруты. Я вдруг подумал, что если сейчас снова придётся выбирать между её безопасностью и её волей, я не знаю, что сделаю.

И это пугало. Раньше я всегда знал, что сделаю. Именно поэтому совершал ошибки с таким уверенным видом.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, — сказал я.

Мара не ответила сразу. Потом тихо спросила:

— Это правда?

— Да.

— Тогда начни с неё. С правды. Не со всей. С той, которую можешь сказать.

Я выдохнул.

— Мне страшно.

Слова вышли короче, чем мысль. И тяжелее. Мара повернулась ко мне.

— За отца?

— Да.

— За себя?

Я хотел сказать «нет».

Не сказал.

— Да.

— За меня?

Я закрыл глаза на секунду.

— Да.

Она кивнула, будто именно этого и ждала. Не слабости. Не исповеди. Просто признания, что я не машина, не функция, не протокол реагирования на угрозы.

Я почувствовал её руку на своей левой ладони. Обычное прикосновение. Тёплое. Осторожное. Без требования. И именно поэтому я едва не отдёрнул руку. С правой было проще. Правая всегда знала, что делать. Сжать, удержать, оттолкнуть, сломать, защитить. Она была точной, сильной, послушной. Слишком послушной. Левая оставалась человеческой. А человеческие вещи, как выяснилось, куда хуже поддаются настройке.

Мара переплела свои пальцы с моими.

— Ты сейчас думаешь, как это контролировать, — сказала она.

— Возможно.

— Не надо.

— Это не так просто.

— Я знаю.

Она шагнула ближе. Я не двигался. Не потому, что не хотел. Потому что хотел слишком сильно и слишком плохо понимал, где заканчивается желание и начинается попытка снова закрыть страх действием. Люди вообще странные су-

щества: иногда обнимают не другого человека, а дыру внутри себя. Я не хотел сделать с ней это.

— Мара, — сказал я. — После всего, что было... после того, что я сделал с твоей памятью... я не хочу, чтобы ты потом решила, будто я снова воспользовался ситуацией.

Она посмотрела на меня долго и внимательно.

— Если бы я так решила, меня бы здесь не было.

— Страх иногда путают с близостью.

— А контроль иногда путают с благородством.

Я невольно усмехнулся.

— Удар принят.

— Хорошо.

Она подняла руку и коснулась моего лица. Медленно, так, чтобы я успел остановить её, если захочу.

Я не остановил.

— Я здесь не потому, что ты меня спас, — сказала она.

— И не потому, что мне страшно. И не потому, что я хочу стать частью твоей тайной войны. Я здесь потому, что хочу быть здесь. С тобой. Сейчас.

Слова были простыми. Именно поэтому от них некуда было спрятаться.

Я привык к сложным объяснениям. К условиям, ограничениям, протоколам, оговоркам, уровням доступа. Сложность даёт укрытие. Простые вещи стоят на открытом месте и смотрят прямо на тебя.

— Ты уверена? — спросил я.

— Да.

— Если передумаешь...

— Я скажу.

— Если станет некомфортно...

— Тан.

— Что?

— Я умею говорить «нет». Ты уже проверял.

Я вспомнил, как она убрала руку в первый вечер. Мягко, но без малейшего сомнения. Тогда я ещё решил, что пара свиданий — и она станет сговорчивее.

Мне стало стыдно.

Не остро, не театрально. Просто тихо и неприятно. Как бывает, когда вспоминаешь собственную мысль и понимаешь, что человек, которым ты был вчера, заслуживает как минимум подзатыльника.

— Прости, — сказал я.

— За что именно?

— За многое. Но сейчас — за тот момент у ресторана.

Когда ты убрала руку, а я подумал... неважно.

— Важно.

Я посмотрел ей в глаза.

— Я подумал, что со временем ты станешь сговорчивее.

Мара молчала.

Я продолжил, хотя очень хотелось заткнуться. Иногда честность похожа на операцию без наркоза, только хирургом выступаешь ты сам, что многое объясняет.

— Я не сказал этого. Не сделал ничего. Но подумал. И это было мерзко.

Она не отстранилась. Но и не улыбнулась.

— Было, — сказала она. Одно слово. Без поблажки. Без украшения.

— Я знаю.

— Теперь знаешь лучше.

— Да.

Она чуть смягчилась.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Да. Мне не нужен человек, у которого никогда не бывает мерзких мыслей. Таких людей не существует. Мне нужен человек, который способен заметить их до того, как превратит в поступок.

Я тихо рассмеялся.

— Ты всегда так формулируешь?

— Профессиональная деформация.

— Опасная профессия.

— У тебя хуже.

— С этим трудно спорить.

Она снова коснулась моей ладони. На этот раз правой.

Я напрягся. Мара почувствовала это сразу.

— Болит?

— Нет.

— Тогда что?

Я посмотрел на кибер-руку. В полумраке она выглядела почти обычной. Кожа поверх синтетического слоя была идеально подобрана по оттенку. Движения — безупречны. Температура — имитирована. Для внешнего взгляда она была просто рукой. Для меня — не всегда.

— Она сильнее, чем должна быть, — сказал я. — Точнее. Быстрее. Иногда я боюсь не того, что она не моя. А того, насколько легко она становится мной.

Мара провела большим пальцем по моему запястью.

— А сейчас?

— Сейчас я боюсь причинить тебе вред.

— Тогда не причиняй.

Очень простой совет. До возмутительности простой.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она взяла мою правую руку обеими ладонями и поднесла к своей щеке. Не резко. Не демонстративно. Просто сделала это и посмотрела на меня так, будто вся моя сложная система опасений была важна, но не имела права командовать ею.

— Это тоже ты, — сказала она. — Не только оружие. Не только напоминание. Рука.

Я хотел возразить. Не смог. Пальцы коснулись её лица. Осторожно. Почти неуверенно. Странное чувство: та самая рука, которой я смял боевую платформу, сейчас боялась прикоснуться к коже.

Мара закрыла глаза. И что-то внутри меня сдалось. Не

сломалось. Именно сдалось. Как сдают оружие на входе в место, где оно не нужно. Я наклонился и поцеловал её. Сначала осторожно. Слишком осторожно, наверное. Мара ответила сама, без спешки, но уверенно. Её пальцы скользнули к моей шее, задержались там, где у меня под кожей бился пульс. Пульс был ровным. Странно.

Мир не стал безопасным. Отец не нашёлся. Питун не исчез. Место, которого нет, не появилось на карте. Архитектор не перестал смотреть из темноты сети. Всё осталось таким же.

И всё же на несколько минут реальность сузилась до дыхания, тепла и её ладоней. Мы отошли от окна.

На столе погас экран коммуникатора. Карта исчезла окончательно. Синяя точка больше не смотрела на меня из темноты. Наверное, это было неправильно. Наверное, я должен был продолжать анализ, проверять слои, писать Бееру, искать отца, строить гипотезы, закрывать уязвимости.

Я слишком долго жил так, будто любое человеческое желание — это ошибка планирования.

Мара остановилась у края кровати и посмотрела на меня. Не вопросом. Выбором. Я подошёл ближе.

— Ещё можно остановиться, — сказал я.

— Можно, — ответила она. — Но я не хочу.

После этого слов стало меньше. И это было правильно. Есть вещи, которые слова только портят. Не потому, что они выше слов, а потому, что слова слишком часто пытаются

всё оформить, объяснить, обезопасить. А близость не становится безопасной от объяснений. Она становится настоящей только там, где оба остаются по своей воле.

Я не помню, когда именно за окном погасла часть огней. Не помню, в какой момент перестал прислушиваться к каждому шуму дома. Не помню, когда впервые за долгое время перестал считать возможные выходы из комнаты. Помню только, что Мара была рядом.

И что моя правая рука, которую я слишком долго считал прежде всего инструментом, впервые за долгое время не удерживала, не ломала и не защищала. Просто касалась.

А потом ночь стала тише. Не добрее. Просто тише.

Проснулся я всё равно от кошмара. Разумеется.

Было бы слишком красиво, если бы одна ночь рядом с живым человеком отменила всё, что годами пыталось выбрать-ся из моей головы. Реальность редко работает так милосердно. Обычно она предпочитает сначала дать тебе надежду, потом аккуратно пододвинуть счёт.

Снился камень. Снова. Холодный, мокрый, почти чёрный. Ладонь скользила по нему, пальцы не находили опоры. Где-то рядом кричала женщина. Голос был знакомым, но имя опять не приходило. Я знал только одно: если не успею сейчас, потом не успею уже никогда.

Потом был удар. Боль. Пустота.

Я открыл глаза резко, но не вскочил. Тело среагировало быстрее сознания: дыхание выровнялось, мышцы напряг-

лись, правая рука уже была готова к движению. Прекрасная машина. Даже по утрам ведёт себя так, будто мир обязан напасть до завтрака.

Мара спала рядом. И это изменило всё. Не исправило. Не вылечило. Не объяснило. Просто рядом с кошмаром внезапно оказалось что-то ещё. Тёплое дыхание. Спокойное лицо. Прядь волос на подушке. Человеческая деталь в мире, который последние дни всё настойчивее превращался в карту, сводку и список угроз.

Я лежал неподвижно и смотрел в потолок. Кошмар не ушёл. Он просто отступил на пару шагов, как зверь, который понял, что добыча сейчас не одна.

Мара пошевелилась и открыла глаза.

Несколько секунд она смотрела на меня молча. Без сонной растерянности, без улыбки из плохих романтических фильмов, где люди после первой ночи внезапно становятся глупее на треть мозга. Потом протянула руку и коснулась моего плеча.

— Опять?

Я не стал спрашивать, о чём она.

— Да.

— Йерр?

Я кивнул.

Она не стала обнимать меня сразу. И правильно. Люди слишком часто лезут с объятиями туда, где сначала надо дать человеку понять, что он вернулся. В тело. В комнату. В утро.

В мир, где потолок — это потолок, а не небо чужой планеты.
— Ты здесь, — сказала она.

Очень просто. Без мистики. Без психологического театра.
— Знаю.

— Нет, — сказала Мара. — Сейчас не знаешь. Сейчас вспоминаешь.

Я хотел возразить. Потом понял, что она права, и промолчал. Утро началось раздражающе честно.

Она села, подтянув к себе простыню, и оглядела комнату. Не жадно, не оценивающе — скорее пытаюсь понять пространство, в котором оказалась. Я вдруг увидел собственную спальню её глазами: слишком большая кровать, слишком широкое окно, слишком дорогая мебель, слишком аккуратные поверхности. Комната человека, который может позволить себе всё, кроме нормального сна.

— У тебя тут красиво, — сказала она.

— Богачи стараются.

— Это я уже заметила.

— Можешь добавить в личное дело.

— Там и так будет весело, если я начну писать правду.

— Про вчера?

— Про тебя.

Я усмехнулся.

— И что бы ты написала?

Она посмотрела на меня с тем самым выражением, от которого у людей, вероятно, возникает желание признаться во

всех преступлений, включая те, которые они не совершали.

— Высокий интеллект. Сниженная способность к доверию. Навязчивый контроль. Героический комплекс, замаскированный под рациональность. Склонность путать заботу с управлением. Хорошо целуется.

— Последнее точно нужно в личное дело.

— Только в закрытый раздел.

— У штатных психологов есть закрытые разделы?

— После знакомства с тобой я начинаю думать, что у всех есть закрытые разделы.

Она сказала это легко, но я всё равно услышал второй слой.

Я поднялся с кровати и подошёл к окну. Город уже проснулся. На дорогах тянулись первые плотные потоки машин, между башнями скользили дроны доставки, рекламные панели меняли цвета, словно ничего не произошло. Гиббона умела выглядеть нормальной даже тогда, когда нормальность становилась формой упрямства.

— Кофе? — спросил я.

— Чай.

— Конечно. Психологи пьют чай, программисты кофе, диктаторы кровь соседних стран. Всё по жанру.

— У тебя странные утренние классификации.

— Последние дни не располагают к здоровому мышлению.

Я накинул халат и пошёл на кухню. Мара появилась через

несколько минут, уже приведя себя в относительный порядок. Как ей это удалось без доступа к половине моих систем, оставалось загадкой. Женщины вообще иногда обращаются с хаосом эффективнее, чем спецслужбы с архивами.

Я поставил перед ней чашку чая, себе налил кофе. Некоторое время мы молчали.

Не неловко. Просто оба понимали, что ночь ничего не отменила. Отец не нашёлся. Место, которого нет, не стало местом. Беер не прислал волшебное решение. Питун не подавился собственной речью. Архитектор не исчез из сети, как плохая мысль после сна.

Мир продолжал требовать внимания. Экран коммуникатора мигнул. Я посмотрел на уведомление и сразу понял: Беер.

Мара заметила моё лицо.

— Плохое?

— От Беера редко приходит хорошее. Максимум — полезное.

Я открыл сообщение.

«Пакет готов. Архивные слои, старые допуски, список пересечений. Открывать только в изолированном контуре. И, Тан, если ты сейчас рядом с кем-то, кто не должен это видеть, сначала подумай. Один раз. Желательно головой».

Я невольно хмыкнул.

— Что? — спросила Мара.

— Беер просит меня подумать головой.

— Разумная просьба.

— Вы все сговорились?

— Нет. Просто вывод очевидный.

Я мог бы закрыть экран. Мог бы сказать ей выйти. Мог бы привычно провести границу так, чтобы она выглядела не как недоверие, а как забота. Очень удобная технология. Столетиями используется мужчинами, спецслужбами, родителями и прочими людьми, которые уверены, что мир рухнет, если кто-то рядом получит право знать хоть что-то.

Я вспомнил её голос вчера:

«Если ты не можешь сказать мне факт, говори хотя бы границу».

— Сейчас придёт закрытая информация, — сказал я. — Часть я не имею права тебе показывать. Не потому, что считаю тебя ненадёжной. Потому что там могут быть данные о людях, которые не выбирали быть частью этого разговора.

Мара кивнула.

— Это граница?

— Да.

— Принимается.

Я подключил автономный терминал. Не рабочий ноутбук, не домашнюю сеть, не корпоративный контур. Отдельный блок без постоянной связи, с ручной авторизацией и старой, неприятно надёжной системой проверки. Такие вещи выглядят архаично ровно до первого серьёзного взлома. Потом внезапно выясняется, что паранойя — это просто безопас-

ность, которой повезло с пиаром.

Пакет Беера раскрылся не сразу. Сначала прошла проверка ключей, потом сверка подписи, потом терминал попросил второе подтверждение. Я приложил большой палец левой руки. Потом правой.

Правая не числилась биологической, но её сигнатура была зарегистрирована отдельно. Ещё одна странность моей жизни: чтобы открыть архивы о пропавшем отце, мне приходилось доказывать системе, что моя искусственная рука достаточно моя.

Наконец экран потемнел. Затем появились данные. Сначала — современная карта. Та самая пустая зона на северо-востоке материка. Скалы, сухие русла, равнина, ничего, что могло бы заинтересовать нормального человека. Нормальные люди вообще многое пропускают, и иногда я им завидую.

Я вывел рядом слой за десять лет до нынешней войны. Почти то же самое. Потом — раннереспубликанский слой. Пустота. Но не такая.

Я приблизил изображение.

— Что? — спросила Мара.

— Сейчас.

Я наложил слои друг на друга и уменьшил прозрачность. Современная карта, старая карта, ещё более старая. На первый взгляд — одинаковый рельеф. На второй — одна линия исчезала и появлялась в разных версиях. Не дорога. Слиш-

ком тонкая. Не русло. Слишком прямая.

— Здесь был технический маршрут, — сказал я. — Или кабельная трасса. Или служебный подъезд. Что-то узкое, но искусственное.

— А потом его убрали?

— Не просто убрали. Его убирали несколько раз.

Я открыл имперский архивный слой. Карта загрузилась с задержкой. Старая система координат, другая сетка, устаревшие обозначения. Империя любила оставлять после себя документы, из которых половину хотелось сжечь, а вторую половину сначала расшифровать, потом сжечь за компанию.

В серой зоне появился знак.

Не название. Не объект. Просто маленькая чёрная отметка в форме незамкнутого круга и короткая подпись староимперским шрифтом.

Я увеличил. Текст был частично повреждён. Или повреждён так, чтобы выглядеть частично.

«Сектор А-14. Доступ ограничен. Протокол Предела».

Я замер. Мара посмотрела на меня.

— Это важно.

Опять не вопрос.

— Да.

— Что такое Предел?

Я помолчал. Граница. Не вся правда. Но и не ложь.

— Так называли одну из старых систем наблюдения и баланса, — сказал я. — Не государственную. Не совсем нашу.

И не совсем местную.

— Это объяснение или способ не объяснять?

— И то, и другое.

— Честно.

— Я стараюсь.

Она посмотрела на экран.

— Протокол Предела связан с твоим отцом?

— Возможно.

— С Беером?

— Почти наверняка.

— С местом, где исчез твой отец?

Я не ответил сразу.

На карте маленькая отметка выглядела почти смешно. Несколько пикселей старого архива. Чуть кривой круг. Подпись, которую кто-то когда-то посчитал достаточной, чтобы больше не писать ничего. А потом это место исчезло из новых карт. Не сразу. Не грубо. Сначала пропала подпись. Потом знак. Потом линия маршрута. Потом сама область стала просто равниной, где никогда ничего не было. Я вывел таблицу изменений по годам. Удаление данных не совпадало с одной датой. Оно шло волнами. При Империи. После республики. После реформ. После войн за независимость. Каждый новый слой мира аккуратно наследовал старую пустоту и немного улучшал её.

— Его не спрятали один раз, — сказал я. — Его поддерживали спрятанным.

— Разные люди?

— Или одна очень долговечная структура.

Мара нахмурилась.

— Значит, это не просто объект твоего отца.

— Нет.

Я открыл следующий файл. Список допусков. Имена, шифры, уровни доступа, статусы. Некоторые строки были закрыты. Некоторые повреждены. Некоторые выглядели так, будто их закрывали люди, очень уверенные, что никто больше никогда не спросит. Наивность — великое топливо для будущих расследований.

Имя отца было там. Эл Гоар. Статус: активный доступ. Уровень: высший. Последнее обращение к протоколу: закрыто.

Я почувствовал, как внутри снова всё сжалось. Не потому, что удивился. Я ожидал увидеть его имя. Наверное, именно поэтому было больнее. Ожидаемая плохая новость всё равно остаётся плохой. Просто приходит без элемента неожиданности, чтобы ты не отвлекался от самой боли.

Ниже шли другие имена. Некоторые я знал. Некоторые — нет.

Потом взгляд зацепился за короткую строку:

Лу Анвар. Прогрессор с Терры. Старый уровень допуска. Связь с Элом Гоаром: подтверждена. Последняя активность: закрыто.

Я прочитал строку ещё раз. Лу Анвар. Имя ничего мне не

говорило. Именно это насторожило.

Я знал далеко не всех старых знакомых отца. Эл умел оставлять части жизни в разных мирах, как другие люди оставляют зонты в кафе. Но прогрессор Терры со старым уровнем допуска, связанный с ним и с объектом, который десятилетиями стирали из карт, — это уже не забытый знакомый и не человек из старого анекдота.

Это был след.

— Кто это? — спросила Мара.

— Не знаю.

— Но должен был бы?

— Возможно.

Я открыл дополнительную карточку. Почти всё закрыто. Даты — фрагментами. Привязки — без подробностей. Несколько пересечений с отцом до революции в Гибборе, затем провал, затем одно позднее упоминание уже после распада Империи. Потом тишина. Слишком аккуратная тишина.

— Старый контакт отца, — сказал я. — Прогрессор. Возможно, работали вместе.

— И ты о нём никогда не слышал?

— Нет.

Мара ничего не сказала. И за это я был ей благодарен. Иногда молчание умнее вопроса. Редкий случай, но бывает.

Я сохранил карточку в отдельный файл. Лу Анвар. Ещё одно имя из прошлого отца. Ещё один человек, о котором

мне никто не рассказывал. Ещё одна закрытая дверь в коридоре, где я и так уже заблудился. На экране по-прежнему висела старая имперская карта. Сектор А-14. Протокол Предела. Место, которого нет. Я смотрел на эти три строки и понимал: Беер прислал мне не ответ. Он прислал мне доказательство, что вопрос намного старше, чем я думал.

После душа Мара вернулась в гостиную с влажными волосами и в моей запасной рубашке. Рубашка была ей велика. Разумеется. На мне большая часть одежды сидела так, будто дизайнеры проектировали её для человека, который время от времени дерётся с боевыми платформами и делает вид, что это нормальная часть трудовой биографии. На Маре та же рубашка выглядела неожиданно домашней.

Слишком домашней для утра, в котором на экране всё ещё висели «Сектор А-14», «Протокол Предела» и имя Лу Анвара.

— Ты опять смотришь так, будто мир обязан немедленно выдать тебе исходный код, — сказала она.

— Было бы удобно.

— Миру?

— Мне.

— Разумеется. Мир ведь существует для удобства гениальных программистов.

— Наконец-то ты поняла базовый принцип цивилизации.

Она фыркнула и села на край стола, не касаясь терминала. Я это отметил. Не из подозрения. Из привычки. Мара то-

же это отметила. Мы оба, кажется, начинали слишком хорошо понимать друг друга. Опасная стадия отношений. Обычно после неё либо появляются доверие, либо новые проблемы. В моём случае, разумеется, второе имело больше шансов. Коммуникатор снова мигнул.

На этот раз уведомление пришло не от Беера. Служебная отметка из банковского контура. Я открыл её скорее машинально, чем осознанно. Финансовые уведомления редко требовали моего личного внимания. Большую часть расходов обрабатывали автоматические системы: инвестиции, корпоративные переводы, личные фонды, благотворительные каналы, платежи по долгосрочным проектам. Деньги вообще быстро перестают выглядеть как деньги, когда их становится слишком много. Они превращаются в потоки, графики, разрешения и подписи.

Именно поэтому люди вроде меня так часто теряют связь с реальностью. Не потому, что глупее других. Потому что реальность начинает приходить в таблицах.

В уведомлении было что-то о свертке благотворительного фонда. Я уже собирался закрыть окно, когда увидел сумму. Не большую. Именно это и насторожило.

Двадцать семь тысяч.

Для нормального человека — деньги, из-за которых можно три дня не спать, а потом полгода не работать. Для меня — строка в шуме. Не потому, что я презирал такие суммы. Просто на фоне миллионных переводов, корпоративных

авансов, инвестиций и пожертвований она не должна была привлечь внимания.

Значит, кто-то рассчитывал, что не привлечёт.

Я сел ровнее.

— Что-то случилось? — спросила Мара.

— Пока не знаю.

— Обычно люди так говорят, когда уже знают.

— Обычно люди слишком много говорят.

— А ты слишком мало.

— Работаем над этим.

Я открыл расширенный лог платежа. Фонд «Восстановление будущего». Один из гражданских прокси, через который мы иногда переводили деньги в регионы, пострадавшие от войн, аварий и других доказательств того, что разум у человечества всё ещё экспериментальная функция. Формально всё чисто. Заявка, подтверждение, промежуточный платёж, распределение.

Я запросил цепочку глубже. Первый слой открылся сразу. Второй — после дополнительного ключа. Третий потребовал ручной проверки. Вот тогда я уже перестал делать вид, что это обычная сверка.

Средства ушли не напрямую. Сначала — через фонд. Потом — в консультационную структуру, зарегистрированную в нейтральной юрисдикции. Потом — в транспортную компанию. Потом — в частный охранный подряд. Потом след дробился на мелкие платежи, часть наличными, часть через

цифровые жетоны, часть через старые счета, которые нормальный аудит назвал бы «низкоприоритетным мусором».

Мусор часто оказывается самым честным слоем системы. Там люди прячут то, что считают недостаточно важным, чтобы прятать красиво.

Я вывел имена конечных получателей. Не настоящие, конечно. Настоящие имена в таких цепочках встречаются только у идиотов, покойников и людей, которые уверены, что закон написан для других. Иногда это одни и те же люди, просто на разных стадиях карьеры.

Но несколько идентификаторов совпали с базой, которую Беер прислал по нападшим. Не полностью. Достаточно. Я медленно выдохнул.

— Тан?

Я не ответил.

Сделал ещё один запрос. Поднял старые транзакции за последнюю неделю. Потом за месяц. Отфильтровал по фондам, где суммы были ниже порога автоматического внимания. Вывел подозрительные пересечения. Строки начали складываться. Не быстро. Но уверенно.

Пять тысяч. Семь. Двенадцать. Три. Потом снова двадцать семь через другую систему. Всё разбросано, всё мелко, всё почти легально. Деньги не украли одним движением. Их вынули так, как вытаскивают нитку из ткани: не рвя, а терпеливо распуская шов.

Конечная точка сходилась на людях, которые пришли за

мною в переулке. Наёмники. «Петухи Питуна» или те, кто слишком хорошо умел выглядеть их людьми.

Я откинулся в кресле. Мара прыгнула со стола и подошла ближе.

— Это связано с нападением?

Я посмотрел на неё. Новый договор. Граница. Не вся правда. Но не ложь.

— Да.

— Деньги?

— Да.

— Нашёл, кто им заплатил?

Я усмехнулся. Не весело.

— В некотором смысле.

Она нахмурилась.

— Что значит «в некотором»?

Я повернул терминал так, чтобы она видела не закрытые имена, а общую схему. Фонд, прокладка, охранный подряд, конечные выплаты.

— Деньги прошли через мои системы.

Мара посмотрела на схему. Потом на меня.

— Твои системы — это значит...

— Один из моих фондов. Пара старых доверенных маршрутов. Финансовые шаблоны, которыми я давно почти не пользовался.

— То есть кто-то украл у тебя деньги, чтобы заплатить людям, которые пришли тебя похищать?

— Если говорить грубо — да.

— А если не грубо?

Я снова посмотрел на цепочку.

— Тогда хуже.

Мара молчала.

Я открыл технический лог входов. Это уже было не про деньги. Деньги меня почти не волновали. В другом мире за такую фразу меня стоило бы ударить чем-нибудь тяжёлым, но в моём случае это была правда. Меня волновала подпись.

Кто подтвердил. Как. Откуда. По какому ключу. Взлом должен оставлять след. Даже хороший взлом. Особенно хороший. В системе всегда остаётся небольшая неправильность: лишний запрос, странное время, чужой ритм, попытка обойти то, что обычный пользователь даже не заметил бы. Люди и программы лгут по-разному, но лгут все. Нужно только знать, где смотреть.

Я знал. И ничего не нашёл. Сначала это разозлило. Потом стало страшно.

Не сильно. Не как боятся люди, увидев оружие. И не как боятся за близких. Это был другой страх — холодный, почти профессиональный. Страх человека, который смотрит на идеально выполненную работу и понимает: перед ним не ошибка. Перед ним уровень.

— Нет, — сказал я тихо.

— Что нет?

— Это не обычный взлом.

Мара не стала спрашивать сразу. Хорошее качество. Редкое. Обычно люди слышат слово «взлом» и немедленно требуют объяснить им всё так, чтобы они могли одновременно понять, возмутиться и предложить бесполезный совет.

Я увеличил лог.

— Смотри, — сказал я. — Вот вход. Вот подтверждение. Вот маршрут. Вот резервный шаблон. Всё валидно.

— Валидно — значит настоящее?

— Валидно — значит система считает это настоящим.

— Но это не одно и то же.

Я посмотрел на неё.

— Именно.

Она чуть наклонилась к экрану.

— Тогда система решила, что это сделал ты?

Я не ответил сразу. Потому что она сказала это слишком точно.

— Да.

Слово вышло сухим. Очень сухим.

Я открыл старый профиль авторизации. Логин был мой. Не основной. Старый. Резервный. Один из тех, что я оставил в связке ещё несколько лет назад и с тех пор ленился закрыть, потому что умные люди тоже иногда ведут себя как идиоты. Просто потом называют это «низким приоритетом обслуживания».

Пароль был изменён давно, но не везде. В одном из промежуточных сервисов оставалась связка, которую я считал

мёртвой. Она и должна была быть мёртвой. В нормальном мире такие вещи лежат на дне, обрастают цифровым илом и тихо исчезают при следующей миграции.

В ненормальном мире они становятся дверью. Дальше — контрольная фраза. Моя. Старая. Почти смешная. Из тех, что придумываешь в возрасте, когда уверен: через десять лет точно всё переделаешь правильно. Потом проходит десять лет, и ты обнаруживаешь, что прошлый ты был оптимистом, а нынешний — его должником.

Я смотрел на фразу и чувствовал, как внутри что-то медленно становится на место. Не ответ. Пока нет. Но форма вопроса.

— Кто мог это знать? — спросила Мара.

— Теоретически? Очень немногие.

— Практически?

— Почти никто.

— «Почти» — плохое слово.

— В моей жизни нет хороших.

Я вывел поведенческий анализ. Система считала операцию низкорисковой. Не потому, что защита была слабой. Наоборот. Потому что всё совпадало слишком хорошо. Время активности — допустимое.

Маршрут — доверенный. Размер суммы — в пределах привычного шума. Стилль дробления — похожий. Выбор фонда — логичный. Подтверждение — корректное.

Корректное. Это слово вдруг стало мерзким.

— Он не ломал дверь, — сказал я.

— Кто?

— Не знаю.

И это было правдой. Пока.

— Но он знал, что дверь существует. Знал, почему я когда-то решил её не закрывать. Знал, какие суммы я не замечаю. Знал, как я обычно прячу движение денег, когда не хочу светить конечную цель.

— Ты обычно прячешь движение денег? — уточнила Мара.

Я посмотрел на неё.

— В законных целях.

— Уверена, это именно так пишут в отчётах люди, которых потом сажают.

— Я не преступник.

— Я пока просто собираю материал.

— Для личного дела?

— Для выживания.

Справедливо.

Я вернулся к логам. Чем глубже смотрел, тем неприятнее становилось. Не было ощущения чужой руки. Не было грубости. Не было даже самодовольного следа, который оставляют хакеры, уверенные, что их гениальность нуждается в подписи. Всё было слишком экономно. Так работают не те, кто хочет похвастаться. Так работают те, кому важен результат и реакция конкретного наблюдателя. Моя реакция.

Я вспомнил строку в интерфейсе. «Ты смотришь правильно. Но задаёшь не тот вопрос».

Потом — график, изменённый на долю процента. Не взлом. Прикосновение. Теперь — деньги. Мои деньги. Моя подпись. Мои наёмники. Если смотреть глазами системы. Я почувствовал, как пальцы правой руки сжались сами собой. Металл под синтетической кожей отозвался идеально. Слишком идеально.

— Архитектор, — сказал я, — Тёмный Архитектор.

Мара посмотрела на меня.

— Тот, о ком ты упоминал?

Я не помнил, упоминал ли. Возможно, нет. Возможно, она просто сложила по моему лицу. Психологи иногда делают вид, что читают людей. Самое неприятное — иногда действительно читают.

— Тот, кто уже показывал, что видит мои модели, — сказал я. — Я не могу доказать, что это он. Но стиль похож.

— Чем?

Я повернул экран обратно к себе.

— Он не пытается просто уничтожить. Он проверяет. Двигает параметры. Смотрит, как я реагирую. Оставляет след ровно там, где я должен его заметить.

— А зачем?

Хороший вопрос. Плохое время для хороших вопросов.

— Либо хочет, чтобы я понял, насколько он близко, — сказал я. — Либо хочет, чтобы я начал ошибаться.

— А может, и то и другое.

— Да.

Я закрыл финансовую схему. Потом снова открыл. Человеческий мозг всё ещё был уверен, что если посмотреть на мерзость дважды, она из вежливости станет менее мерзкой. Спойлер: не стала.

— Деньги можно вернуть? — спросила Мара.

— Можно.

— Тогда тебя волнуют не деньги.

— Нет.

— Тебя волнует, что система поверила: это сделал ты.

Я медленно повернулся к ней.

— Да.

Мара сложила руки на груди.

— Тогда это не ограбление.

— А что?

Она посмотрела на экран.

— Репетиция.

Я не сразу ответил. Потому что опять — слишком точно. Репетиция.

Не кража. Не оплата. Не просто нападение. Репетиция действия от моего имени.

Я посмотрел на цепочку ещё раз и впервые за утро почувствовал не страх и не злость. Уважение. Холодное, неприятное, почти профессиональное. Противник был не просто умён. Умных людей много. Иногда даже слишком много,

особенно в кабинетах, где им не мешало бы иногда молчать. Этот противник понимал структуру. Понимал привычку. Понимал, что настоящая уязвимость редко находится там, где её ищет охрана. Он понял меня. Или очень хорошо сделал вид что понял. Я бы восхитился.

Если бы он не оплатил покушение на меня моими же деньгами.

— Достойный противник, — сказал я.

— Это сейчас было восхищение?

— Профессиональная оценка.

— Тан, если человек платит наёмникам за твоё похищение твоими деньгами, восхищаться им необязательно.

— Я не сказал, что он мне нравится.

— Утешает.

— Но он хорош.

— Ужасно, когда мужчины начинают уважать тех, кто пытается их убить.

— В моё оправдание, технически они пытались меня похитить.

— Теперь мне спокойнее.

Я почти улыбнулся. Почти. Потом взгляд снова упал на лог входа. Система узнала меня. Не просто пропустила. Не просто не заметила. Узнала.

Эта мысль была хуже всех остальных. Я создал отдельный файл и занёс туда цепочку. Без имён. Без лишних данных. Только структура, суммы, временные метки, уровни досту-

па.

Заголовок написал не сразу. Потом всё-таки ввёл: «Чужая подпись». Посмотрел на слова. Стер. Написал другое: «Моя подпись. Чужая воля». Так было точнее. И неприятнее.

— Ты отправишь это Бееру? — спросила Мара.

Я замер.

Правильный ответ был «да».

Полезный ответ был «частично».

Честный ответ был хуже обоих.

— Не всё.

Мара молча ждала.

— Если я отправлю всё, — сказал я, — он увидит только финансовую цепочку. И начнёт искать того, кто получил доступ к моим системам. Это правильно. Но недостаточно. Мне нужно сначала понять, что именно здесь показали мне, а не ему.

— Ты опять хочешь оставить часть при себе.

— Да.

— Это нарушение наших правил?

Я подумал. Не отмахнулся. Не пошутил. Не спрятался за «так надо». Подумал.

— Нет, если я скажу тебе границу.

Мара кивнула.

— Тогда скажи.

Я посмотрел на заблокированный терминал, на файл с цепочкой, на строку старой контрольной фразы.

— Кто-то использовал мои старые доступы и мои финансовые привычки, чтобы оплатить нападение. Это не похоже на обычный взлом. И, возможно, связано с тем человеком или структурой, которую я называю Тёмным Архитектором.

— И что ты не говоришь?

— Почему меня это пугает сильнее, чем должно.

Она несколько секунд смотрела на меня.

— Принимается.

Одно слово. Без давления. И именно поэтому стало тяжелее.

Я отправил Бееру урезанный пакет: конечную цепочку оплаты, связь с наёмниками, прокси-фонды, подозрительные маршруты. Без старой контрольной фразы. Без поведенческого совпадения. Без вывода про Архитектора.

Палец завис над кнопкой отправки. Потом я нажал. Сообщение ушло. Я остался смотреть на пустую строку статуса. Отправлено. Как будто это что-то решало.

Мара подошла сзади и положила ладонь мне на плечо.

— Ты сейчас сделал не всё, что мог.

— Знаю.

— Но больше, чем хотел.

Я выдохнул.

— Тоже знаю.

Она убрала руку. Коммуникатор мигнул почти сразу.

Ответ Беера:

«Получил. Хорошо. Неприятно хорошо. Жду полного

анализа».

Я усмехнулся.

— Он знает.

— Что именно?

— Что я прислал не всё.

— И что теперь?

Я посмотрел на файл «Моя подпись. Чужая воля».

— Теперь партия стала личной.

На этот раз я сказал это без пафоса.

Потому что пафос нужен там, где не хватает правды. А правды сейчас было более чем достаточно.

Деньги на моё похищение прошли через мои счета. Система решила, что это сделал я. А где-то в сети был человек, который умел прикасаться к моей жизни так, будто знал её изнутри. Никто не должен знать лишнего. Смешное правило. Иногда лишним оказывался ты сам.

Глава 9

Файл всё ещё назывался: «Моя подпись. Чужая воля».

Я смотрел на эти четыре слова уже несколько минут и всё сильнее понимал, что название получилось слишком точным. А точные названия, как и точные диагнозы, редко улучшают настроение. Они просто лишают тебя удобной возможности притворяться, что проблема расплывчатая.

Бееру я отправил не всё. Финансовую цепочку отправил. Прокси-фонды, промежуточные счета, охранный под-

ряд, дробление платежей, конечные идентификаторы, связанные с людьми, которые напали на нас с Марой. Всё, что нужно было спецслужбе, чтобы начать двигаться.

Но не старую контрольную фразу. Не поведенческое совпадение. Не то, как система оценила операцию: низкий риск, доверенный маршрут, привычный стиль. Не главное. Не то, что меня не взломали. Меня узнали.

Именно это я оставил себе. Не потому, что не доверял Бееру. Хотя это тоже было бы неплохим аргументом, если бы я решил начать утро с честности промышленного масштаба. Просто я пока не понимал, что именно увидел. А отдавать Бееру сырое ощущение было всё равно что бросить старой акуле каплю крови и надеяться, что она проявит деликатность. Беер и деликатность иногда встречались в одном предложении, но обычно только как юридическая ошибка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.